

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Монастырский остров

*Мягкость побеждает твердость,
податливость побеждает силу.
Гибкое превосходит неподвижное.
Вот закон повелевать всей тьмой вещей,
ступая вслед за ними, —
закон мастерства в подражании.*

Лао-цзы

За те двенадцать часов, что двухмачтовое судно шло по беспокойным водам Ладожского озера, Сергей успел разговориться с паломниками, которые тоже направлялись в монастырь. Он узнал, что Валаам — крупнейший из островов на Ладоге, хотя был он не более семи километров от края до края. Рядом с самим Валаамом есть еще несколько островов, поменьше.

Сам остров открылся им суровыми утесами и густыми лесами, которые словно охраняли покой древнего монастыря. Но, когда выплыли за скалу, показалась маленькая гавань, над которой возвышалась главная колокольня основного монастырского комплекса — огромной, сверкающей под солнцем белой крепости, насчитывавшей восемь столетий. Маковки церквей были сияюще-голубого цвета, усыпанные золотыми звездами. Сергею показалось, что их корабль заходит в какую-то сказочную гавань.

Один из паломников поведал ему о спокойных озерах, спрятанных среди девственных лесов в глубине острова, отвесных скалах и зеленых лесных опушках. По его словам, кроме основного монастырского комплекса, вокруг которого была сосредоточена жизнь монашеской братии, по всему острову были разбросаны селения поменьше, скиты. В них жили монахи-отшельники, искавшие более глубокого уединения и молитвенного сосредоточения. Еще более уединенными были маленькие срубы и пещеры, порой не более чем ямы, вырытые в земле. Там, в трудах и молитве, проходили дни монахов-аскетов, искавших полного одиночества. «Говорят, — прибавил паломник, — что в этом краю селятся двое, Бог и монах, пока не остается один только Бог».

К их разговору присоединился и один из валаамских монахов, который возвращался в свой монастырь. В прошлые века, по его словам, монастырь не раз подвергался разрушениям, поскольку монахи отказывались брать в руки оружие, даже когда остров прибрали к рукам шведы. Наконец Петр Великий окончательно присоединил его к России. Надо же, как в жизни бывает, — подумалось Сергею, — искать воина среди монахов, давших обет ненаси-

лия. Оставалось только надеяться, что подобный человек все равно будет выделяться среди остальных обитателей монастыря. В любом случае, если этот мастер-боец действительно живет здесь, на острове, Сергей обязательно найдет его. Если, конечно, тот *захочет*, чтобы его нашли.

Даже в этом суровом северном краю весеннее тепло становилось все ощутимее, так что Сергей, устроившись в малодоступной части леса, построил себе шалаш среди вековых, покрытых мхами стволов и уже пробивавшихся первоцветов. В последующие дни он обошел весь остров вдоль и поперек, отметив для себя, где находится небольшая ферма, что снабжала монастырь молоком и овощами, где уединенные скиты и жилища отшельников, разбросанные по всему лесу.

Проходила неделя за неделей, и Сергей старался использовать любую возможность, чтобы присмотреться к монахам, одетым в одинаковые черные рясы. Если выдавалась возможность, он старался наблюдать за отшельниками на тот случай, если один из них и был тот человек, которого он искал.

Разин, по его словам, видел этого воина много лет назад. Следовательно, нужный Сергею человек должен быть приблизительно среднего возраста, около сорока или пятидесяти лет, возможно, старше. Но, где бы он сейчас ни находился, среди монашеской братии, в скиту или даже в затворе, он все равно не может оставаться незамеченным. Сергей сможет отличить его от остальных хотя бы по тому, как он двигается.

Шли недели, и Сергей стал узнавать знакомые лица среди послушников и монастырской братии, и кое-кого из старших священников, которые большую часть времени проводили в привычном монастырском служении. Один из таких пожилых монахов особенно запомнился ему. Сергей был в главном монастырском корпусе, когда заметил одного священника, уже в преклонных годах, со снежно-белой бородой и длинными седыми волосами, который соборовал больного монаха в монастырском госпитале, очевидно, готовя того к последнему причастию.

Спустя несколько минут, когда Сергей шел обратно по коридору, он увидел того же старика-священника. Его глаза

были сосредоточенно полуприкрыты, а рука лежала на груди другого больного. В какой-то момент он поднял глаза и посмотрел прямо на Сергея. Сколько длился этот взгляд, Сергей не мог сказать, возможно, минуту, а может, долю мгновения, но Сергей замер, как громом пораженный...

Он пришел в себя от чьего-то прикосновения. Сергей вздрогнул — какой-то молодой послушник легонько тряс его за плечо. Он хотел войти в больничную палату, но не мог протиснуться мимо Сергея, застывшего в дверях. Заметив выражение лица Сергея, тот только улыбнулся:

— Это отец Серафим, сильный наш батюшка. Не всякому дано старчествовать, а вот он сподобился...

Сергей уже знал, что старцами называли монахов преклонного возраста, отличавшихся мудростью и особой силой духа. Нужно запомнить этого отца Серафима, сказал себе Сергей, чтобы при случае расспросить его. Он достаточно стар, чтобы помнить, когда в монастыре мог появиться тот мастер-боец, которого он искал. Тем временем он не переставал спрашивать и других монахов. Правда, открыто на этом острове монахов, добровольно удалившихся от мира зла и насилия, спрашивать о мастере-бойце было невозможно. Поэтому, стараясь разговорить их, Сергей, словно невзначай, вставлял:

— Я как-то слышал об одном человеке, который жил здесь. До того, как он обрел мир в монастыре, он был известным воином. Кто это может быть, не знаете?

Но ответом были только удивленные взгляды монахов. Похоже, о таком человеке здесь даже не слышали. Сам же он никак не мог напасть на след загадочного бойца.

Время шло, лето перевалило в осень, студеные ветры снова задули над озером, и сомнения, было утихшие, с новой силой овладели Сергеем. Есть ли вообще на свете такой мастер? И если есть, то где? Может, зря приехал сюда, на Валаам?

Однако не только Сергей изучал насельников монастыря — они сами приглядывались к необычному паломнику с молодым лицом, но седовласому и длиннородому. До поры до времени они только отвечали на его расспросы. Пришло время, и отвечать уже пришлось Сергею. В один из дней к

его срубку подошел молодой монах, который представился братом Евгением.

— Вот что отцы мне велели передать, — сказал он. — Им ведомо, что ты прибыл как паломник, но духовная цель твоего паломничества им не известна. Если чувствуешь в себе некое духовное призвание, можешь пожить пока на острове. Рабочие руки тут нужны. Так что, если не отказываешься работать, тогда оставайся. Что решишь?

— Я согласен, — отвечал Сергей.

Удовлетворенно кивнув, брат Евгений продолжал:

— Оставаться тебе здесь в такую негодую ни к чему, сам понимаешь. Пока поживи несколько дней в монастырском скиту. Том, что в версте отсюда, через пролив...

— Я знаю, где это, — в нетерпении перебил Сергей.

— Ну и добре, — брат Евгений улыбнулся. Он посмотрел на Сергея спокойными светлыми глазами. — Через неделю возвращается на остров настоятель скита, и тогда будешь просить у него, чтобы он лично дозволил остаться и зимовать с остальной братией в скиту. Если откажет, тогда собирайся в дорогу. Еще несколько недель, и по озеру совсем никакого хода не будет. Ветер, торосы — уплыть отсюда можно будет разве что весной.

У Сергея был только один вопрос:

— Отец, у которого мне следует испросить дозволения... как его имя?

— Отец Серафим.

Кивнув, монах простился, а Сергей стал собирать свои пожитки. Убрав за собой все на поляне, где стоял его шалаш, он двинулся вдоль скалистого берега, затем спустился по вырубленным в камне ступеням. Далее на лодке его перевезли через пролив. Прибыл он в скит уже совсем вечером, когда монахи после вечерней молитвы разошлись по своим кельям. Сергей тихо прошелся по скитскому помещению: маленькая кухня, темные коридоры, трапезная. Везде было пусто и тихо. Лучшего места для тренировок и не сыскать, подумалось ему.

На пятое утро после прибытия в скит Сергей во время уборки спросил у одного из монахов, когда он сможет поговорить с отцом Серафимом.

— Он задержался еще на несколько дней, — ответил тот и отправился по своим делам. Весь остаток дня Сергей

провел в работе, к которой его приставили. Когда же братия разошлась по кельям, он решил, что может потренироваться, никого не беспокоя.

В неровном свете освещавшей коридор керосиновой лампы Сергей постарался найти выход к трапезной, и неожиданно оказался перед кельей отца Серафима. К своему удивлению, он обнаружил, что дверь в келью приоткрыта. Не в силах сдержать любопытство, он заглянул в темную келью. Она была почти пуста, если не считать маленького стола и стула. А в углу, где обычно ставят кровать, стоял пустой гроб.

Вздвогнув, Сергей быстро ушел от кельи.

Лишь предвещавшие скорый шторм отдаленные раскаты грома нарушали тишину в скиту — такую глубокую, что само дыхание Сергея казалось ему неестественно громким. Неясный свет в помещении придавал еще больше сходства происходящему со сном.

Сергей начал с разминки, затем перешел к отработке ударов руками, ногами. Его удары со свистом прорезали воздух, как вдруг он заметил в тускло освещенном дверном проеме одиноко стоявшую фигуру со свечей в руках. Это невесть откуда взявшееся видение заставило его вздрогнуть. Но, присмотревшись, он узнал лицо отца Серафима. Сергей хотел обратиться к нему, но, казалось, голос отказался его слушаться.

Глядя на неподвижную фигуру старого монаха, что наблюдал за ним, Сергею неожиданно вспомнился изготавившийся к прыжку снежный барс. Внезапно вспышка молнии наполнила комнату ослепительным, жгучим светом, и вместо бледного лица монаха он уже видел голову мертвеца — череп с жидкими пасмами белых волос, с зияющими глазницами, смотревшими в пустоту.

Какой-то первобытный страх сжал Сергеево сердце, но тот лишь поднял свечу повыше, и Сергей снова видел старого монаха, строгое лицо которого освещал лишь мерцающий огонек свечи.

В следующий миг в дверях уже никого не было. Но Сергей мог поклясться, что не видел, как монах обернулся, чтобы уйти, или хотя бы отступил во тьму. Еще мгновение назад он был здесь — и в следующий миг исчез. Сергей был уверен, что не слышал звука удаляющихся шагов в коридоре.

Должно быть, я закрыл глаза или на мгновение отвернулся, — успокоил он себя. Но в глубине души он знал, что все было не так.

Спустя несколько часов он уже накрывал на стол в трапезной, все еще при свете керосиновой лампы. К столу сели шесть братьев, что неотлучно были в скиту. Сергей ожидал увидеть и отца Серафима, но его место за столом пустовало.

Когда трапеза подошла к концу, он прошептал сидевшему рядом с ним брату Евгению:

— Сегодня вечером я видел отца Серафима. Почему он не позвал меня на беседу?

— Ты видел его? Не может быть!

— Да, он стоял в дверях трапезной.

Покачав головой, брат Евгений ответил:

— Наверное, это был кто-то другой. Отца Серафима нет на острове. Его ждут только к завтраму.

Когда старец, как и ожидалось, на следующий день вернулся, он первым же делом вызвал Сергея в свою маленькую келью, жестом пригласил его сесть на единственный стул. Казалось, вся фигура монаха светилась мягким, едва заметным сиянием. Пышные белые волосы и окладистая седая борода делали его выше. Прежде Сергею никогда не доводилось встречать людей такой духовной силы. Он был весь охвачен чувством благоговения и духовного трепета.

— Отец Серафим, возвращения которого ты так ждешь, — это я, — мягко сказал старец и улыбнулся. — Но, по-моему, мы уже виделись... в лазарете, не так ли?

Сергей прокашлялся, с трудом справляясь с голосом:

— Да... да, уже виделись. Рад вас снова видеть, отче. Я хочу просить вашего позволения остаться в этом скиту на зиму.

Отец Серафим закрыл глаза, сделал глубокий медленный вдох и оставался в таком состоянии почти минуту. Наконец он открыл глаза и сказал:

— Обычно у нас так не заведено, чтобы миряне надолго оставались в скиту. Но я обдумал твою просьбу. Можешь оставаться у нас на зиму... возможно, не только на зиму.

Заметив, что Сергей украдкой поглядывает на гроб, старец улыбнулся и сказал:

— Это ложе служит мне постелью, но также напоминанием, что время, отпущенное нам Богом, должно проходить в трудах и молитве, а не в праздности.

Сергей же решил, что это был не самый подходящий момент, чтобы расспрашивать отца Серафима о великих бойцах, которые могли найти приют в этом монастыре.

Получив разрешение остаться среди насельников уединенного скита, Сергей стал жить одной с ними жизнью, аскетической и созерцательной, питался простой растительной пищей, выполнял свои несложные обязанности в скиту и дальше искал человека, который никак не хотел объявиться первым. Случай продолжить разговор с отцом Серафимом тоже никак не выпадал. Тот часто отлучался из скита, врачуя больных в монастырском лазарете, принимал в монастыре монахов для духовной беседы или молился в уединении. Но даже в те нечастые дни, когда настоятель выходил в общую трапезную, Сергей не смел обратиться к нему с вопросом — так было заведено, чтобы в трапезной читалось Евангелие, и Сергей не смел нарушить тишину. А другой возможности побыть рядом с отцом Серафимом у него просто не было.

В те же редкие случаи, когда его отправляли с поручениями на остров, Сергей продолжал присматриваться к монахам, расспрашивать их о воине, который так умело скрывался — или которого здесь не было вовсе.

Прошло еще шесть недель после их первой беседы с отцом Серафимом, когда неожиданно для себя Сергей застал его в скиту одного. Старец стоял в общей комнате и глядел в окно, за которым открывался заснеженный лес. Сергей неслышно, чтобы не потревожить раздумья старца, подошел к нему. Не решаясь заговорить первым, он посмотрел в окно и тоже застыл в молчании, словно глядя глазами старого монаха на изумрудно-зеленые ели, мелкий кустарник с ярко-красными ягодками, присыпанный белым снегом...

Вздрогнув, он увидел, что монах уже удаляется.

— Отче! Отец Серафим! — окликнул он его, поразившись, как звонко на этот раз звучал его голос.

Старый монах обернулся:

— Да, Сережа?

— Я все хотел спросить вас, да только не знал как. Вы ведь здесь уже довольно давно, правда?

Монах кивнул.

— Что ж, раз так... возможно, какое-то время назад... год или больше... Может, вам встречался на этом острове человек, паломник или монах, который некогда был

великим бойцом? Человек, которого можно было назвать Мастером?

Под непонимающим взглядом старого монаха Сергей внезапно почувствовал себя полным глупцом.

— Боец, ты говоришь? Солдат? — наконец переспросил старец. — Я стараюсь не иметь ничего общего с такими людьми.

Извинившись, он поспешил уйти.

После этого разговора Сергей окончательно отчаялся найти на острове того, кого так долго и упорно искал. Тем не менее весь остаток зимы он провел в скиту, прилежно исполняя свои обязанности и стараясь по возможности прислужиться братии. Вместе с ними, как было заведено, дважды в день садился за стол в трапезной, разделяя их нехитрую снедь — хлеб, овсянку, картошку и овощи, иногда рыбу и травяной чай. По праздникам у них бывал настоящий чай или квас, который монахи делали из черных сухарей. Это была простая жизнь, простая и суровая, но как нельзя лучше подходившая для созерцания и тренировок.

В один из таких спокойных дней, размышляя о своей жизни, Сергей вдруг с раскаянием осознал, что он так и не нашел времени написать еще одно письмо своему дяде Владимиру. Упущение тем более непростительное, что все это время дядя так и не знал о его судьбе, ведь Закольев уничтожил ту прощальную записку. Вполне возможно, что и до сего дня он продолжал верить, что его племянник погиб.

Собравшись с мыслями, он решительно взялся за перо:

Уважаемый господин директор! Мне давно следовало отправить вам это письмо с извинениями за то, что я покинул школу без вашего на то согласия. Прошу простить меня и за то, что не нашел времени отписать вам раньше. Я сделал, что счел нужным сделать, и не прошу за это прощения. Примите мою благодарность за теплоту и заботу, которыми вы окружали меня все мои ранние годы. Я буду помнить об этом всегда. И вас также никогда не забуду.

Возвращаю Вам в этом письме карту, которую я, не спросясь, взял из Вашей библиотеки. Она потрепана, это правда, но она сослужила мне добрую службу в свое время. За это «одолжение» Вам тоже спасибо. Касательно же

ножа, лопатки, компаса и прочего, что я без спроса взял с собой, обещаю вернуть или заплатить, как только представится такая возможность.

К сегодняшнему дню мне уже исполнилось двадцать три года. За время моих долгих странствий по России меня не раз выручали все те навыки выживания, которым я был обучен в Невской военной школе. Возможно, обстоятельства моего ухода не вызывают у Вас ничего, кроме негодования. Но я хочу, чтобы Вы знали: и воспитанию Вашему, и обучению еще случится послужить некоему высшему благу. Ваше положение директора школы обязывает меня обращаться к Вам с наиболее возможным почтением, но знайте – для меня Вы прежде всего дядя и член семьи. После отца вы были для меня ближе всех. Обещаю всегда хранить память о Вас и поминать Вас в своих молитвах.

Ваш племянник Сергей Сергеевич.

Он сложил лист и запечатал письмо свечным воском, на миг представив себе строгое и внимательное дядино лицо. Сергей больше не ощущал трепета и благоговения перед этим человеком, как тогда, в детстве. Но им на смену пришла глубокая признательность этому человеку, его доброму дядюшке, Владимиру Борисовичу Иванову.

Этим письмом он словно закрыл долг перед какой-то частью своего прошлого. Частью малой — долги куда большие еще ждали своего часа.

Сергеева жизнь этими короткими студенческими днями следовала одному и тому же заведенному в скиту распорядку: работа, еда, сон, уединение. Единственное, что он прибавил для себя к этому, были его тренировки, тоже ставшие регулярными. Слово и не было тех лет, что отделяли его от Невской военной школы с ее уставом и ежедневными занятиями. Порой ему даже казалось, будто бы он и не убежал никуда, лишь подрос и сменил одежду. С каждым днем его уныние становилось все глубже.

Прошло уже более трех месяцев с того дня, как Сергей получил прибежище в монастырском скиту. Временами он только качал головой, думая о перипетиях своей судьбы. В свое время он мечтал обрести мир и покой в военной школе, среди людей военных. Теперь он здесь, в самом мир-

ном и покойном месте на земле. Но пришел сюда, чтобы найти своего воина.

Он продолжал тренироваться, хотя и тренировки тоже давно не давали разрядки. Одни и те же движения, одни и те же приемы, никакого развития, никакого продвижения вперед. Холод снаружи, внутри, везде. Сергей не хотел признаваться себе самому: скоро на Ладоге тронется лед и начнется судоходство, а с ним настанет пора покидать монастырь. Покидать ни с чем. Эти бесплодные поиски стоили ему еще одного года его жизни.

Но неожиданно для Сергея судьба его изменилась еще раз.

Почему так случилось, так и осталось для Сергея загадкой. Возможно, пришло его время. А возможно, ему улыбнулась удача. Или настроение Мастера изменилось. Но в последний день мая 1897 года, когда Сергей приступил к своему привычному разминочному комплексу, он заметил, что отец Серафим наблюдает за его тренировкой.

Руки монаха были скрещены на широкой груди. Он молча покачал головой, словно желая сказать, что все Сергеевы потуги напрасны — уйдут, словно вода в песок.

— Чем ты тут занимаешься? — с удивлением в голосе спросил отец Серафим.

— Тренируюсь... чтобы не потерять форму, — ответил Сергей, стараясь побороть неловкость.

— Когда дело доходит до боя, — сказал отец Серафим, — некогда разминаться, отрабатывать технику. Да и правил, в общем-то, тоже нет. — Он снова покачал головой. — Не думаю, что эти движения помогут тебе подготовиться к встрече с людьми, которых ты преследуешь.

Целый рой вопросов тут же за клубился у него в голове. Откуда старцу известно об этих людях? Так неужели же он — это и есть...

— Да, — сказал отец Серафим, словно отвечая на его немой вопрос. — Я — тот, кого ты ищешь. И мне известно, почему ты здесь. Правда, сам ты этого еще не знаешь.

— То есть?

— Ты все еще считаешь, что тебя направил сюда Разин. Но это не так. Придет время, и ты сам в этом убедишься. Уйдет отсюда совершенно другой человек, чем тот, что пришел сюда.

В его словах звучала сила, казавшаяся незыблемой, как сама вечность. С этого-то и началась для Сергея новая жизнь и новые тренировки, каких Сергей никогда не видел и даже не мог себе представить.

Ни слова более не говоря, отец Серафим взял на себя роль его *учителя*, словно бы такой шаг был одновременно неизбежным и само собой разумеющимся. Он стал появляться каждый вечер в трапезной, чтобы наблюдать за его практикой. В один из таких дней Сергей обратился к нему с вопросом:

— Отец Серафим...

Старец поднял руку, заставив Сергея умолкнуть:

— Не зови меня больше отцом, разве только в присутствии других монахов. Для тебя я Серафим, и только.

Прежде чем Сергей успел спросить почему, старец пояснил:

— То, что я учу тебя побеждать других людей, не имеет ничего общего с моим монашеским призванием. Я дал обет не причинять зла и скорее дам себя убить, чем сделаю что-то во вред другому человеку. В моей жизни и без того было довольно убийств.

Он замолчал, давая понять, что больше возвращаться к этой теме не намерен. Вместо этого он пристально посмотрел на Сергея, который внезапно почувствовал себя перед его взглядом сначала голым, потом прозрачным. Серафим же сказал:

— Я вижу, что и у тебя есть другое имя... Так что, оставаясь наедине с тобой, я буду звать тебя... Сократес.

Сергей от неожиданности едва не лишился дара речи.

— От-откуда вам это известно? — запинаясь, произнес он.

— Откуда? Посмотрел на тебя и *увидел*, — ответил Серафим.

— Если вы в состоянии видеть такое... и если вам было известно, что я здесь, тогда зачем вы заставили меня ждать, прежде чем открыться?

Серафим ответил не сразу.

— Чтобы присмотреться к тебе, заглянуть в глубину твоего сердца, мне нужно было время. Так что я ждал подходящего часа.

Теперь старый монах предстал перед Сергеем в совершенно новом облике. Его спокойные слова и бесстрастное лицо скрывали непостижимую глубинную силу. С тем же успехом Сергей мог догадываться, как глубоко Ладожское озеро, не видя дна под его спокойной гладью.

И все же, несмотря на всю пронизательность и духовную мощь Серафима, Сергей никак не мог представить его великим бойцом. В прошлом — возможно, когда тот был моложе и сильнее физически. Но сейчас, несмотря на силу его слов, Серафим был больше похож на старичка из русской сказки, чем на мастера рукопашного боя.

Сомнения Сергея не укрылись от Серафима. На следующей тренировке он сказал:

— Нападай на меня. Но нападай по-настоящему. Бей как хочешь, лишь бы попасть в меня.

Тон, каким были сказаны эти слова, ясно давал понять, что ни о какой снисходительности не может быть и речи. И Сергей что было сил обрушился на старца.

Но оказалось, что он даже не может приблизиться к старику-монаху. Более того, Сергей никак не мог понять, как именно тому удастся отражать его удары и уходить с линии атаки. Он лишь знал, что не только не может нанести удар, но не может даже коснуться старого монаха.

Какими бы приемами ни пытался Сергей атаковать, наносить удары руками или ногами, делать подсечки или захваты, он постоянно оказывался на земле, снова и снова, совершенно не представляя, как это могло случиться. Серафим же, если хотел, удерживал его в лежащем положении одной рукой, одним пальцем. И Сергей просто физически не был способен встать. В момент одного из таких падений он осознал, что Серафим в этот раз даже не коснулся его.

Разин был прав. Сергей нашел Мастера, которого искал так долго. Но эта встреча заронила в его душе такое сомнение

в своих силах, какое он никогда не испытывал прежде. Когда старый монах приказывал ему сдвинуть себя с места, он пытался много раз, прикладывая все силы, и безуспешно. Ему вдруг вспомнилось, как он так же пытался сдвинуть Алексея-Казака. С таким же успехом можно было заставить подвинуться гору. Но с Серафимом разочарование было еще сильнее – перед ним была не гора, а перышко, но результат был все тот же.

Старику же ничего не стоило уклониться от его атаки и бросить его на землю – рукой, ступней или даже, казалось, одной мыслью. За все время, что Серафим вел тренировку, он ни разу не нанес удар сам. Лишь под конец занятия он показал ему легкий, как казалось, почти неощутимый удар, который парализовал Сергея на несколько минут. Первое, что подумалось Сергею, когда он пришел в себя: хорошо, что он имеет дело со стариком. Если бы такой удар был весомее...

На следующий день Серафим предложил прогуляться к небольшому саду по дорожке, которую Сергей незадолго до того расчистил после недавнего снегопада. По пути Серафим впервые заговорил с ним о том, с чем приехал Сергей на Валаам:

— Я думал о тебе и о том, ради чего ты взвалил на себя эту нелегкую ношу. Но помнишь ли ты, что сказано об этом в Писании? «Мне отмщение, и Аз воздам», говорит Господь.

Сергей лишь молча кивнул.

— Так кто дал тебе право быть карающей дланью?

— Такого права у меня нет, — ответил Сергей. — И я знаю, что едва ли с возмездием придет упокоение душе моей жены. Только знаю одно — моей душе так будет спокойнее...

— И ты решил?

— Да. Это мое решение.

— Того, что натворили эти люди, ты не в силах поправить...

— Но я могу спасти жизнь другим, до которых они еще не добрались.

Сергей не стал говорить, что с радостью и сам бы погиб в поединке с ними, чтобы соединиться со своей женой и сыном в лучшем мире, если такой вообще существует.

— Возможно ли это, чтобы ты послушал меня и отказался от задуманного?

Сергей отрицательно покачал головой.

Старый монах вздохнул.

— Хорошо, я введу тебя в тень. Я дам тебе то, что ты просишь... Чтобы однажды пришел такой день... когда тебе захочется и того, что я хочу тебе дать.

— Что же это? Что вы хотите мне дать?

— Покой.

— Есть только одно, что может успокоить меня.

— Смерть?

— Их или моя. Или наша, — ответил Сергей. — И ждать больше я не могу. Я должен найти их как можно скорее, через три месяца, шесть, самое большее — год.

Серафим снова пристально посмотрел на Сергея.

— Не нам устанавливать сроки, когда и чему должно случиться.

— Вы хотите сказать: мне не стоит надеяться... что все закончится так быстро?

Серафим утвердительно кивнул. Затем пояснил:

— В единый миг жизнь человека может измениться. И прикосновение благодати способно заставить любое сердце открыться. Но порой, чтобы встретить этот миг, нужно готовиться всю жизнь...

Серафим вдруг остановился.

— Научиться чему-то дело нехитрое. Отучиться куда сложнее. Если хочешь все начать заново... что ж, гляди, и вложимся с тобой... в десяток годков.

— Но я не могу ждать так долго!

Глаза Серафима сверкнули.

— Да ты, должно быть, важная птица, чтобы ставить условия самому Творцу! Откуда тебе знать, сколько и на что отпущено времени...

Они дошли до края тропинки и повернули обратно в скит. Пристыженный Сергей поспешил сменить тему:

— Скажите, сколько у вас еще было учеников?

Серафим лишь улыбнулся.

— Никто из них не просил у меня о том, чего ищешь ты.

— Почему же тогда вы согласились? Может быть, мне следует пройти некое посвящение?

— Такое посвящение ты уже принял от Разина... да и от жизни тоже, в общем-то...

— А что вам известно о моей жизни?

— Достаточно, чтобы принять решение.

Сергей только покачал головой. Этот старый монах продолжал оставаться для него загадкой.

— И вы согласны научить меня, за так, ничего не требуя взамен?

— Хочу сразу сказать тебе... Сократес. Не думай, что мои наставления — это знак какого-то моего особого благоволения к тебе как к ученику. Не ты заставил меня согласиться, я подчиняюсь Божьей воле. И делаю это по той причине... ты еще можешь послужить некоему высшему добру, которое пока что остается скрытым от нас обоих.

Пришло время, и большинству мужчин, что были в закольевском отряде, и всем женщинам, которых они собрали по пути, захотелось постоянного пристанища наподобие тех деревень, которые в свое время оставили некоторые из них. Но на все их уговоры у вожака был по-прежнему один ответ: «По движущейся цели сложнее нанести удар».

Велико же было их удивление, когда однажды атаман собрал своих людей вокруг костра в их временном лагере у румынской границы и объявил торжественно:

— Будьте готовы — завтра настает наш час! Завтра мы выступаем на север, чтобы стать там — не лагерем на этот раз, а настоящим поселком. Давно уже я присмотрел для этого одно подходящее местечко в лесах под Киевом. Никаких временок больше не будет — только настоящее жилье. И запомните мои слова, придет время — и вы убедитесь, что мое пророчество было истинно: вскоре нас будет так много — и женщин, и детей, — чтобы с нас началось новое казачество. Из нашего укрытия мы будем совершать вылазки и бить евреев, чтобы затем исчезнуть незамеченными. Не оставлять в живых никого, будем брать в год только по одному младенцу, достаточно юному, чтобы не мог ничего запомнить. С возрастом станет одним из нас, таким, как мы. Придет время, и о нас будут слагать легенды. Завтра же и выступаем, во имя Церкви и Царя!

Эту последнюю фразу, которую его люди встретили одобрительными возгласами, а некоторые и шашками наголо, Закольев произнес ради тех немногих верующих, что еще оставались в его рядах. Сам же он служил своей воле, и только ей одной.

С этого и начался поход будущего казачества, ряды которого и без того постоянно росли, к их новой стоянке, спрятанной в лесной чаще. Давно мужчинам не приходилось заниматься такой работой, как валить лес и строить настоящие дома, поэтому работа на первых порах шла тяжело. Но занятие это, тем не менее, оказалось очень полезным для здорового духа в их новом поселении. Женщины

радовались, дети веселились, и какое-то время никто даже не помышлял о грабежах или разбое. Это и в самом деле было время, когда закольевский народ осел и пустил корни. Даже неугомонный Королёв — и тот получал удовольствие от нехитрой работы.

Вскоре после того, как со строительством домов было покончено, Закольев поставил всех в известность, что Елена вместе с Павлиной со всеми своими пожитками переезжает в его избу и будет жить с ним так, как положено жить с женой по закону, и любые поползновения в ее сторону он будет пресекать лично. Елена беспрекословно подчинилась приказу.

То, что атаман приблизил к себе женщину и даже поселил ее рядом с собой, совершенно не вязалось с его характером. Но Закольев, впервые в своей жизни, испытывал нечто похожее на любовь — не к Елене, к ребенку. Елена в его жизни значила не больше, чем любой другой предмет обстановки в доме, еще пахнувшем свежей живицей. И речи не было о том, чтобы он позволил ей делить с ним ложе, — она спала на соломенном матрасе в одной комнате с ребенком, которая так и называлась — «комната Павлины». Ей, и еще Константину, Закольев безраздельно дарил внимание и заботу.

Как настоящий отец, он рассказывал своей дочери разные истории. Однажды вечером, подсев на кровать к Павлине, которая уже начала засыпать, он, словно сказку, стал рассказывать девочке о том, как она появилась на свет.

— Жили-были в тридевятом царстве муж со своей женой, — покачивая головой в такт своим словам, начал он. — Они были так счастливы друг с другом, так им было хорошо, что у них родилась прекрасная девочка, дочка. Этой дочкой была ты, ну а я — твой папка.

— А мамой была Елена, — подхватила Павлина.

Но Закольев нарочито грустно покачал головой.

— Елена не настоящая мама твоя, но только ты никому об этом не говори, обещаешь?

Павлина охотно кивнула головой. Она сама никогда не относилась к Елене как к матери, так что отцовские слова скорее обрадовали ее:

— Знаю, знаю, моя настоящая мама — Шура.

— Еще чего! Старушка Шура тебе разве что бабушкой может быть, но никак не мамой...

— Так кто же тогда моя мама? — зачарованно спросила девочка.

— Вот послушай, что тебе папка расскажет... твою настоящую маму и мою любимую жену съел зверюга...

Павлина вздрогнула. Одним из строжайших приказов атамана было ограждать Павлину от всего, что было связано с насилием и жестокостью, от всякого упоминания о смерти. Тем более говорить девочке о том, зачем его отряд время от времени выезжает из лагеря. Она знала только, что отец и его люди время от времени садятся на коней и едут служить какому-то человеку, которого зовут Царь.

— А этот зверюга... на кого он похож? — спросила она, напуганная и зачарованная этим неожиданным открытием.

— Зверюга этот лицом совсем как человек — примерно моего возраста, но только волосы у него совсем белые, как у того страшного колдуна из леса — помнишь, я тебе о нем рассказывал? И колдун этот может причаровывать своим голосом. Сначала околдует человека лживыми словами, а потом съест его. Убить этого зверюгу можно, но только если не станешь слушать его, пока он не успел заговорить и напустить на тебя свои чары.

«Папка» говорил так убедительно, его голос дрожал таким неподдельным волнением, что Павлина взяла его ладонь и прижала к своей щеке.

С тех пор Павлина не раз видела во сне беловолосого человека, который сладко пел и звал ее, а она и боялась, и хотела услышать его голос.

Мужчины тем временем только пожимали плечами, не понимая, что такое нашло на их атамана. А женщины тихо удивлялись тому, что в человеке, которого они привыкли бояться, открылись такие неожиданные качества. Кое-кто из них даже набрался смелости и спросил Елену, в самом ли деле они живут как муж и жена.

Но Елена словно в рот воды набрала.

С того вечера, когда сам атаман Заколев подал пример хозяйствования, начался период относительно спокойной жизни в лагере. Мужчины сосредоточились прежде всего на строительстве домов, а не на преследовании евреев. Как ни странно, последним штрихом

в этой деревенской атмосфере стало появление в лагере собак.

Прежде во время набега на еврейские поселения Заколье не жалел не только людей, но и их собак, кидавшихся с лаем на незваных гостей. Но теперь он позволял забирать в свой поселок тех собак, которые за кусок хлеба были готовы пойти вслед за новыми хозяевами. Да и за самим атаманом не раз замечали, что он был не прочь почесать у собаки за ушами. Ведь собаки — это идеальные последователи, готовые лизать руку хозяину и идти за ним хоть на край света. Совсем как послушные собаки вели себя с атаманом и те из лагерных детей, кто был поумней остальных.

Самым маленьким из детей в поселке было позволено делать все, что заблагорассудится: бегать и возиться, как Щенятам, — атаман закрывал глаза на любые их шалости и проказы. Но как только они подрастали, на них взваливали все те обязанности, которые взрослым казались скучными или неприятными: чистить уборные или стирать одежду в реке.

И собаки тоже отработывали свой кусок хлеба. Теперь не нужно было держать постоянно часовых начеку — ни один чужак не мог приблизиться к селению незамеченным. Собаки также загоняли отбившихся от табуна лошадей и еще — небольшое стадо овец — их недавнее приобретение, отнятое во время одного из налетов на еврейское селение. Вот так и получилось, что собаки тоже стали обитателями лагеря, охотились вместе с людьми и, вернувшись с охоты, с напряженным вниманием наблюдали, как женщины готовят пищу, — в надежде, что и им перепадет случайный кусок.

Словом, все в этом необычном поселке стало как в любой другой казацкой станице: дети бросали палки собакам, мужчины складывали очаги в надежно построенных избах, женщины занимались хозяйством и растили детей. Но огонь в этих очагах было дозволено разводить только ночью или в снежную и дождливую погоду, чтобы дым из труб не обнаружил поселка.

Было время, когда мало кто в лагере обращал внимание на то, что атаманова страсть к скрытности росла с каждым днем, и тем более никто не подмечал появившихся странностей в его поведении. А тем временем они, эти его странности, становились все сильнее. Все чаще атаману виделся

Сергей Иванов, и он то и дело вздрагивал — ему все мерещилось, что седоволосый враг притаился за деревом или выглядывает из-за овина, или, что было страшнее всего, приходит к нему по ночам, да так и стоит ночь напролет в ногах его кровати.

Впрочем, чем дальше, тем очевидней становилось, что кошмары, терзавшие Закольева по ночам, не проходят для него бесследно: у атамана появился нервный тик, порой у него дергалась голова, вдруг ни с того ни с сего он начинал заговариваться. Временами он и вовсе был как не в себе — брался за какое-то дело или начинал с кем-то говорить — и вдруг странно умолкал, только пристально смотрел на что-то, видимое лишь ему одному. Только темные круги под глазами выдавали то, что ночные эти видения дорогого стоили атаману.

Все больше отдаляясь от своих людей, Закольев стал считать себя личностью трагической, страдальцем, что возвышается над обыденной возней мелких людишек. Было время, когда он любил окружать себя чем-то вроде свиты самых преданных сторонников. Теперь он отдавал распоряжения почти исключительно через Королёва, и тот, требуя беспрекословного подчинения, понемногу превращался в полновластного хозяина лагеря.

Тем временем жизнь в лагере шла своим чередом. Вечерами, когда мужчины возвращались с охоты — на зверей ли, на евреев ли, — они усаживались вокруг костра и рассказывали истории о своей молодости, просто пили, соревнуясь в тостах. Правда, в словах они стали осторожны и когда поблизости был их предводитель, и даже тогда, когда его не было рядом. По распоряжению Закольева того, кто осмелится даже на словах проявить непослушание или же выболтает месторасположение их лагеря, ожидала смертная казнь.

Впрочем, отыскать лагерь было не так просто, даже если бы кто-то и пошел по их следу. Избы были надежно спрятаны от посторонних глаз в лесной глуши, на хорошо укрытой поляне, приблизительно в сотне метров от небольшой, но бурной реки. Если же пройти лесом вниз по течению, то река эта обрывалась водопадом, стремительно падавшим с каменистого утеса с высоты двадцати метров, бурлящим белым вихрем разбиваясь о скалы и каменистые отмели. Спуститься вниз по течению этой речки было

невозможно даже на рыбацкой лодке, не говоря уже о барже или судне, так что лучшего места для селения в стороне от торных дорог невозможно было и придумать. До поры до времени его обитателей никто не беспокоил.

Все девять детей, что жили в лагере, — четыре девочки и пять мальчишек — сразу же полюбили свой новый поселок возле настоящего водопада. Они охотно играли среди камней на мелководье, пока однажды один из мальчиков не подобрался слишком близко к бурному потоку, оступился и течение в мгновение ока снесло его на скалы внизу. Тело его даже не стали искать.

После этого случая атаман запретил Павлине и Константину даже приближаться к водопаду. Что же касается негодника, сказал Закольев, который погиб на скалах, то пусть винит свою дурость. Плакать по нему никто не будет, заключил он. О нем никто особенно и не сожалел, за исключением разве что Шуры.

Как и другим мальчишкам его возраста, Константину нравилось устраивать вылазки в лес, представляя себя разбойником или охотником, или скакать верхом на лошади, когда ему позволяли. Возиться в девчоночьей компании было ему не по нутру, даже несмотря на умоляющие взгляды Павлины. Впрочем, он просто не хотел признаваться себе, что и сам успел привязаться к ней за все эти годы, что прошли с тех пор, как он впервые увидел ее еще младенцем. И эта привязанность была одновременно причиной и радости, и досады.

Он не забыл, как однажды Шура в первый раз поручила ему подержать девочку на руках, пока сама занималась другим младенцем. Павлина тогда протянула к нему ручонку и ухватилась за рукав его шерстяной куртки. Затем она стала нежно гукать, улыбаясь ему. Глядя в ее большие глаза, Константин словно сам увидел мир ее глазами — как великую тайну, где не было зла и все было возможно.

Этот сияющий миг погас так же внезапно, как и вспыхнул, когда один из старших мальчишек, проходя мимо, походя обозвал его «сопливой нянькой». Раздосадованный Константин постарался как можно скорее избавиться от своей подопечной и тут же пересел поближе к мужчинам.

А когда Павлина уже стала ходить и по-детски невнятно, но быстро лопотала, она сама, словно привязанная, старалась не отставать от Константина, повсюду следуя за ним на своих крошечных ножках. Но угнаться за мальчуганом было не так-то просто, и она только звала его: «Контин, Контин!» — она не могла пока выговорить его имя. Придет время, и ему все равно поручат присматривать за Павлиной.

Атаман строжайше приказал Елене следить за тем, чтобы Павлина не водилась с другими девочками — только с мальчишками. Одевать его дочь тоже следовало как мальчика, и еще он распорядился, чтобы ее учили рукопашному бою старик Егорыч и самые лучшие из его бойцов. И все же отвечали за девочку Елена с Константином, и это была не последняя причина, почему мальчик со временем привык относиться к ней покровительственно.

Павлина была «папкиной» любимицей, но и Константину тоже перепало немного атаманова внимания — хотя временами тот смотрел на мальчишку таким странным взглядом, что тому становилось не по себе и он едва сдерживался, чтобы не спрятаться подальше от папкиных глаз.

Константин порой даже завидовал Павлине — тому, что она живет в атамановой избе, окружена заботой и вниманием. Временами и он задумывался над тем, кем были и где остались его родители. Но особо сушить над этим голову все равно было бесполезно, так что он приучился принимать свою жизнь такой, как есть. И все же, если случалась возможность, Константин старался повнимательнее прислушиваться к разговорам взрослых. Случайный обрывок фразы мог открыть ему глаза на то, каким было его прошлое.

По вечерам мальчик частенько устраивался в углу конюшни, где собирались выпить и поболтать мужчины. Стараясь не привлекать к себе внимания, рисуя или что-нибудь строгая ножиком, Константин, наострив уши, старался ни слова не пропускать из того, что выбалтывали пьяные языки. Тем более что внимания на него обращали не больше, чем на тех собак, что, свернувшись колечком, устраивались рядом с ним. И мальчишке много чего открылось из этих разговоров.

Прежде, когда он был совсем еще ребенком, ему больше всего хотелось, чтобы и его взяли на вылазку, как взрослого.

Но, когда он услышал, как они приглушенным тоном делились впечатлениями после этих вылазок, он уже начинал сомневаться, что так уж этого хочет. Константин старался не думать об этом, хотя чувствовал, что со временем ему все равно придется выбирать — или стать одним из них, или же...

Но никакого другого выбора его юношеский опыт просто не мог предложить. У него была только эта жизнь, другой он не знал. Все остальное были только мечты.

Прошло несколько недель, и во время одной из тренировок, когда Сергей разминался перед началом занятий, Серафим внезапно нанес прямой удар кулаком ему в лицо. Этот удар застал Сергея врасплох, но у него получилось уклониться — сказались его прошлые тренировки. Следующий удар Серафима, круговой свинг, Сергей парировал.

— Двигайся естественно, — сказал монах. Он взял его за плечи и стал трясти, вперед-назад. — Старайся двигаться не как солдат, а как ребенок. Ты слишком скован. Даже во время движения расслабляйся... всегда расслабляйся.

— Я и так расслаблен.

— Это тебе только кажется, — возразил Серафим. — А должно не казаться, а *быть*. Причем всегда.

— Даже если схватка не на жизнь, а на смерть?

— Тем более, — ответил тот. — Люди позволяют себя убить не потому, что им не хватает сноровки, а чаще оттого, что понапрасну теряют силы. Только тогда, когда ты научишься расслабляться в момент самой жесткой атаки, расслабляться, двигаясь, ты сможешь биться дольше и жить дольше. Поэтому практикуй расслабление везде: на кухне, в прачечной — где бы ты ни был — и во всем, что делаешь. Чтобы ты следовал за движением, а не оно за тобой, понял? — Серафим умолк, и вдруг улыбнувшись, добавил: — Наберись терпения, Сережа. У старых привычек повышенная живучесть. Чего не скажешь о бойцах, не умеющих расслабляться.

Всю следующую неделю Сергей произносил слово «расслабляюсь» в сочетании с дыханием, сотни раз в день, делая глубокий вдох и при выдохе сбрасывая все ненужные напряжения, — особенно когда занимался физическим трудом или тренировался.

— Помни, твоя тренировка — это не просто удары руками или ногами, — повторял Серафим. — Тренировкой

может стать все, что тебе приходится делать. Поэтому не забывай: везде и всюду — дыхание — и расслабление — в бою и в жизни.

Не в силах сдерживать раздражение и чувствуя себя еще более скованным, чем прежде, Сергей не выдержал:

— Прошу вас, Серафим, довольно напоминать мне о том, что я должен дышать и расслабляться. Я понял, о чем речь!

— Понимать — значит *делать*, — сказал Серафим в ответ.

Прогуливаясь по тропкам острова, Серафим учил Сергея делать вдохи и выдохи под счет шагов. Наконец у Сергея стало получаться делать вдох на двадцать шагов и выдох на столько же. Серафим же мог дышать на десять счетов дольше — казалось, у него не легкие, а кузнечные мехи.

Наступление новой зимы ознаменовало годовщину его пребывания на острове и начало нового года их совместных тренировок. Они становились все менее понятными и приносили больше разочарования, чем успехов. Серафим не уставал распекать его:

— Ты по-прежнему скован, Сократес, цепляешься за техники, которые ты заучил и отработал механически тысячи раз. Но ты не можешь предвидеть все. Настоящая схватка всякий раз — какой-то сюрприз.

Во время этого этапа тренировок Серафим стал нападать на него в самые неожиданные моменты. Старый монах мог стукнуть Сергея днем и ночью, в момент, когда он меньше всего ожидал нападения, — когда Сергей шел с поручением в монастырь по скользкой или неровной тропе, у озера или в лесу, и иногда даже в коридорах скита. Когда-то так делал Разин. Сергей снова стал мальчиком для битья.

Но в отличие от Разина, старый монах не стал делать из своей тактики загадку.

— Каждая ситуация неповторима, Сократес, — пояснял он. — Ты ведь не знаешь, как поведет себя твой противник. Но и он тоже не должен знать, как ты будешь защищаться. В реальной схватке годится все, что работает, — не важно, по правилам это или нет. Главное — непредсказуемость. Можно ждать чего угодно. Как правило,

без неожиданностей не обходится: у твоего противника может быть припрятано оружие или его дружки ждут в засаде. Вроде смотришь — пьяный. Ан нет, не тут-то было, окажется потрезвей твоего. Или в самый неожиданный момент выясняется, что он работает быстрее тебя и к тому же сильнее физически, хотя на первый взгляд казалось совсем наоборот. Не должно быть никаких первых взглядов, никаких домашних заготовок, понял? Никогда не гадай наперед, кто и как себя поведет. Просто будь начеку и естественно реагируй на все, что поднесет тебе любой из моментов поединка.

— Вы хотите сказать, что нужно двигаться, не думая? Совсем не думая?

— В бою думать некогда. Накануне — отчего ж не прикинуть, как и что может быть. Но помнить: всякий план — только набросок того, что может быть в действительности, и не терять гибкости, поправки на текущий момент. Как бы ни повернулось, одно остается наверняка — что-то да будет не так, как ожидалось. Так что ничего не ожидай заранее, будь готов ко всему. Расслабься и доверься мудрости твоего тела. У него на все найдется свой ответ.

— Думаю, я испытывал уже нечто подобное... с Разиным.

Серафим утвердительно кивнул.

— Испытывал, я вижу. Но теперь тебе нужно вполне овладеть этим умением. Причем независимо от того, как ты себя чувствуешь в данный момент — ранен ты, выбился из сил или просто у тебя неудачный день. Это значит, что нужно отбросить всякое заранее сложившееся мнение о твоём противнике, о том, кто он и что он. Это самое последнее, с чем нужно выходить на бой. Что бы тебе ни угрожало: кулак, сабля или лошадь, что галопом летит на тебя, перед тобой встречная сила, и ты — ты движешься, ты дышишь, и в каждой ситуации твое тело само найдет решение.

— Легче сказать, чем сделать, — покачал головой Сергей.

Серафим улыбнулся:

— Ты уже начал понимать, что к чему...

Это началось, когда Серафим подобрал камень размером с кулак и, стоя примерно в трех метрах от Сергея, сказал:

— Лови!

Он швырнул его с такой силой, что едва не раздробил Сергею ладонь.

— Запомни эту боль, — сказал он. — Ее имя — *сопротивление*. В жизни стресс случается тогда, когда ты сопротивляешься. То же истинно и для боя. Не важно, что в тебя летит, — если ты в жесткой позиции, испытываешь боль. Никогда не отвечай силой на силу. Вместо этого впитывай ее в себя и используй ее. Сейчас ты можешь научиться тому, как отступление может взять верх даже над превосходящей силой.

Серафим начал с того, что стал легонько и без предупреждения бросать камни размером в кулак, метя Сергею в грудь.

— Отклоняйся в сторону и плавно лови их, — сказал он. — Сочетай движение руки со скоростью камня, чтобы вообще не слышно было шлепка камня о ладонь...

Затем монах принес тяжелый дубовый посох и нанес им удар Сергею в бок. Сначала он приказал Сергею принять жесткую стойку, подобно неподвижной стене, и запомнить, что представляет собой боль от удара. После этого Серафим велел Сергею замахнуться на него дубиной и показал, как в последний момент, уклонившись от дубины тем же способом, каким Сергей гасил силу камня своей ладонью, принимать удар, сократив его силу более чем в половину.

— Хорошо, если кто дубиной замахнется, — сказал Сергей. — А если саблей? Я же не могу принять на себя сабельное лезвие.

Серафим поскреб бороду, словно задумавшись, как тут ответить.

— А кто его знает, что тогда делать... Может, и вообще не стоит подставляться? — Он рассмеялся. — Просто от удара уйти... Как, по-твоему, — можно? Или нет?

Всю эту неделю, и следующую неделю тоже, Серафим продолжал бросать камни все быстрее и быстрее. Сергею же следовало, отклоняясь от линии приложения силы, мягко

ловить камень, принимая его силу. Со временем он уже был способен ловить не камни, а ножи — поначалу Серафим бросал их медленно, затем все быстрее. Позже он научился уклоняться и принимать в себя энергию ударов кулаком, ногой и толчков вдобавок к ударам дубинкой, уходя от них волнообразным движением.

— Серафим, я ничего не имею против этих игр, — как-то раз в порыве нетерпения воскликнул он. — Но когда же я буду готов перейти к искусным техникам — к работе с оружием, к стилям, имитирующим звериные, как у китайских монахов?

— Для начала усвой, — сказал Серафим, — что нет искусных техник; есть только искусное движение. В подражании тигру, обезьяне или дракону есть своя завораживающая красота, не стану спорить. Но я стремлюсь к тому, чтобы ты стал самым опасным животным из всех — человеко-зверем, который вооружен одновременно инстинктом и разумом. Самое твоё мощное оружие — голова, понял? А те, кто полагаются только на силу, побиваются разумом, гибкостью, неожиданными и обманными движениями.

В начале осени, когда холодные ветра снова стали продувать остров, Серафим подвел Сергея к краю гранитной скалы. Под ней, разбиваясь у ее подножья в двадцати метрах внизу, кипели серые волны озера.

— Стань спиной к воде так, чтобы твои каблуки были у самого края скалы, — велел он. — Порой может случиться так, что тебе придется драться на краю пропасти — на мосту или, скажем, на такой вот скале. В тот миг, когда в тебе начинает подниматься страх и ты начинаешь напрягаться — именно в такой момент тебе нужно стать мягким, дышать, впитывать и уклоняться. Если будешь напрягаться — мигом полетишь в пропасть.

Сергей глянул вниз и тут же отшатнулся.

— А что, если я...

— Не думаю, что ты разобьешься насмерть, — сказал Серафим. — Но будет... неприятно будет.

Они заняли позицию, и Серафим, сначала легонько, стал толкать его, а Сергей податливо отводил тело под его толчками. Серафим продолжал, толкая правое плечо, затем

левое, бедра, торс. Сергей податливо принимал толчки, сохраняя равновесие по мере того, как они становились все мощнее.

Он продолжал отклоняться и тогда, когда Серафим стал легонько толкать его не ладонью, а кончиком ножа. Наконец Серафим сказал:

— Повернись ко мне спиной.

И Сергей послушно стал лицом к волнам, бушевавшим внизу. Толкающая рука была больше не видна, теперь он мог только чувствовать сами толчки, и мгновенно реагировать на нажим. Секунда напряжения — и он свалился бы за край пропасти...

Серафим начал очень легко, почти без давления, все это время мягко напоминая Сергею:

— Страх — это прекрасный слуга... но отвратительный хозяин... страх создает напряжение... так что дыши и расслабься... тело не должно напрягаться в ответ на страх... Тебе просто нужно натренироваться реагировать на страх по-другому...

Глядя на пенистые брызги внизу, Сергею даже пришлось напомнить себе, ради чего он решился на эти тренировки. А толчки Серафима в это время становились все сильнее, постепенно переходя в медленные удары. Дальше был нож — укол лезвием, еще один, сильнее, глубже... но пока Сергей оставался податливым, подобно воде...

Внезапно Серафим нанес ему сильный удар кулаком в лопатку — к такому удару Сергей совсем не был готов. Не успев даже вскрикнуть от неожиданности, он полетел вниз.

В какой-то тошнотворный момент все закружилось у него перед глазами... затем сработали инстинкты и он выровнял тело вертикально, сделав взмах руками и ногами, успев прижать их к телу за секунду до того, как с шумом врезаться в воду.

Удар прошелся по всему телу, через ноги, бедра, спину и шею. Затем была тишина и ледяная вода. Его желудок сдавило спазмом — было такое ощущение, словно кто-то ударил его в пах.

Рванувшись наверх, к воздуху и свету, он с судорожным вздохом вынырнул на поверхность, чтобы услышать шум волн, разбивавшихся о скалы, и крики чаек. Взглянув наверх, он увидел маленькую фигурку Серафима

где-то далеко над собой. Тот жестом указывал ему плыть вправо. Он поплыл в ту сторону. Как оказалось, там был небольшой пляж — как раз вовремя, потому что он уже не чувствовал ни ног, ни рук. Бегом взбираясь назад, к Серафиму, он старался не думать, сколько еще времени придется провести за такой учебой.

Прошла неделя. Сергей как раз делал разминку, когда Серафим нанес ему внезапный удар ножом. Этот удар обрушился на него словно из ниоткуда. Еще мгновение назад Серафим улыбался, спокойно стоя с пустыми руками. А в следующий миг лезвие мелькнуло у его горла. Сергей мгновенно поднял руки и отклонился в сторону. Защита была не самая замысловатая, но все же он успел среагировать на удар не задумываясь, как учил Разин.

— Каждый по-разному отвечает на нападение, — сказал Серафим. — Некоторые бойцы уворачиваются в сторону, другие наклоняются вперед или назад. Начнем работать от твоей инстинктивной реакции. Бери нож — сейчас покажу тебе, что я имею в виду. — Он протянул Сергею нож. — Давай, полосни меня лезвием по горлу.

Сергей послушно сделал движение, но вполсилы. Серафим в ответ выбил у него нож из рук таким мощным ударом, что лезвие вонзилось в деревянный столб в трех метрах от них. Столь же молниеносно он отвесил Сергею оплеуху:

— Я же велел — полоснуть по горлу!

Сергей не заставил себя упрашивать. А Серафим, отклонившись в сторону и назад, выставил обе ладони у горла.

— Такой была моя инстинктивная реакция, когда меня проверили в первый раз, — сказал он. — А теперь посмотри, что я выстроил на этой основе.

Когда Сергей провел очередную атаку, Серафим отклонился таким же образом, но за этим движением последовал едва заметный поворот локтя, и Сергей обнаружил, что его рука с ножом оказалась в замке. Затем Серафим мягко отклонился назад, и нож в кулаке оказался вывернутым и повернутым в сторону Сергея, причем Серафим продолжал удерживать его запястье болевым захватом.

— Видишь? Мы начинаем с естественной реакции, затем, в ответ на атаку, позволяем телу двигаться по пути

наименьшего сопротивления. Теперь уже нет никаких ненужных движений. Единственная ошибка в подобном случае — это вообще стоять на месте.

Почти каждый вечер Серафим, если его не отзывали по срочным делам, присоединялся к Сергею. Он наблюдал за его тренировками, давал наставления, поправлял, показывал, давал новые упражнения, спарринговал с Сергеем, отмечая вместе с ним пусть пока медленное, но все же движение вперед.

Серафим показал Сергею неизвестный ему прежде способ обманной контратаки сбоку на нападающего, чтобы обезоружить или скрутить вооруженного пистолетом или саблей, поправлял Сергеевы ошибки — не словами, а толчками, прикосновениями и шлепками. Так, в молчании, Серафим учил тело Сергея напрямую, без отвлеченного умствования.

Когда Серафим наконец заговорил, он напомнил Сергею:

— В смертельном бою не имеет значения, насколько блестящие идеи приходят тебе в голову.

Шло время, и позади осталось немало уровней тренировки. Сергей продолжал работать над собой даже тогда, когда постился и чувствовал усталость или нездоровье. Тренируясь невзирая на утомление, он открыл для себя, что ему вполне по силам показывать неплохой результат, будучи даже не в лучшей форме. Когда ему не хватало физической силы или скорости, он мог отрабатывать расслабление, захваты, упражнения на скорость или равновесие.

Прошло уже почти два года с тех пор, как начались его занятия. Всякий раз, когда Сергей готов был опустить руки от усталости или разочарования, у Серафима всегда находилась в запасе фраза, чтобы подбодрить его:

— Когда поднимаешься на холм, — шутил он, — можно и передохнуть... отчего же не передохнуть? Главное, чтобы ноги шли себе вперед и шли...

Временами единственное, что заставляло его ноги идти вперед, была память об Ане и клятва поквитаться за ее смерть.

Сергей часто думал о Закольеве и его людях. Каждый месяц промедления означал, что где-то гибнут невинные люди, — но нападать до того, как будешь готов к нападению, означало утратить всякий шанс на успех.

Драгоценное время шло, а он все не знал, как решить это противоречие.

Когда Павлине исполнилось лет восемь или девять — никто не вел счет годам в закольцеванном лагере, — она, как и прежде, оставалась другом и поклонницей Константина. Однако и в ее жизни многое изменилось после того, как начались ее тренировки со стариком Егорычем. Теперь приходилось следовать режиму, и Павлина не могла, как прежде, дни напролет гулять с Константином, разве что ей удавалось ускользнуть от своего наставника, когда тот давал передышку своей маленькой ученице. Но тем больше они ценили время, проведенное вместе.

Константин тоже повзрослел и на многое смотрел по-другому. Его острый ум жаждал перемен, новых впечатлений, и эта жажда становилась все нестерпимей. То, что было не по силам остальным лагерным мальчишкам, он щелкал как орехи. А чего понять не мог, о том догадывался. Он хотел учиться, приставал к взрослым, брал от них то, чего они еще не успели забыть. Так, один из старших, польщенный вниманием мальчишки, растолковал ему алфавит. А дальше Константин сам выучился читать. Еще раньше он успел припрятать для себя несколько книжек. Он нашел их в груде ненужного хлама, отнятого у людей, которых в лагере называли «жидами».

В одной из этих книг рассказывалось о путешествии за океан, в страну, что так необычно называлась — Америка. Страница за страницей Константин проделал свое путешествие по книге. Затем он прочитал ее еще, и еще раз. Автора книги звали Абрам Чудоминский. Неужели, вдруг подумалось Константину, и в его жизни может настать такой день, когда и он сможет отправиться, на огромном корабле через океан, в эту чудесную страну. Ах, вот бы встретиться с человеком, написавшим такую замечательную книгу, — вздыхал Константин.

Чтобы никто не мешал ему читать и мечтать, Константин нашел для себя тайное место — маленькую пещерку возле самой вершины водопада. Он своими руками расчистил ее от прелой листвы. Со временем он показал свое укрытие Павлине. Теперь у них было свое место, где они могли беспрепятственно встречаться, когда выпадала свободная минута. Они перешептывались и тихо смеялись, отгородившись в своем укрытии от всего мира. А еще он

читал ей вслух из своей любимой книжки, водил ее пальчиком по буквам и показывал, как из этих букв складываются целые слова.

Между тем наступил 1900 год. А с ним в закольцеванный лагерь прокрались неизвестные прежде сомнения и тревоги. Кое-кто из мужчин, прежде религиозных, а теперь по-детски суеверных, стал всерьез подумывать о спасении своей души. Со сменой столетий, боялись они, наступит и Судный День. Было время, когда они считали убийство евреев делом праведным, но кровь и крики несчастных жертв, что непрерывно преследовали их в ночных кошмарах, все больше тревожили их. Один только Королёв спал спокойно.

Закольцеванный же по-прежнему держал своих людей в ежовых рукавицах. Время от времени он устраивал показательные расправы над теми, кто осмеливался оспаривать его власть. Но мог быть и демонстративно снисходителен к тем, кто умудрялся вымолить прощение. Перепады в настроении атамана держали весь лагерь в постоянном страхе. Но эта неопределенность и была опорой его подлинной власти над своими людьми. Королёв был куда более скор на расправу, но такого непредсказуемого человека, как атаман Закольцеванный, в лагере не было. Никто — ни мужчины, ни женщины, ни дети не знали, что взбредет ему в голову в следующую минуту.

Один из таких случаев произошел в лагере буквально накануне нового года. Как-то одного из лагерных старожил по фамилии Бруковский по пьянке прорвало: не разбирая слов, он ревел, что такого психа, как их атаман, давно пора гнать поганой метлой. Разгорячившись, добавил, что из него получился бы вожак не хуже, если не лучше. Может быть, он надеялся, что его дружки поддержат его, но никто даже слова не проронил. Константин тоже был свидетелем этого разговора. Он только усмехнулся криво, когда те храбрецы-мужчины, которые только что похвалялись своим геройством, теперь молчали, опустив головы. Каждый делал вид, что ничего не слышит, в надежде, что гроза обойдет его стороной.

Как Закольцеванному удавалось узнавать все, что говорилось или делалось в лагере, для всех было загадкой. Не зря даже

поговаривали, что атаман умеет читать чужие мысли. Не стала исключением и пьяная похвальба Бруковского. Те, кто слышал ее, теперь места себе не находили от тревоги. И, как оказалось, не зря.

Вскоре после этого случая атаман назначил Константина помощником к патрульным — ему было поручено готовить лошадей и амуницию к выступлению. На вылазки подростка по-прежнему не брали, и все восприняли это как очередной знак благоволения и доверия к нему со стороны Закольева. Вот так и получилось, что и для Константина нашлось место в тот вечер, когда атаман и его бойцы, которых неожиданно оказалось двенадцать, уселись за огромный стол, чтобы отметить удачную вылазку. Каждый ел и пил от души. Неожиданно для всех Заколев, весь вечер остававшийся в приподнятом настроении, произнес, словно бы самому себе:

— Мы тут с вами обедаем, совсем как Христос с учениками на Тайной Вечере. Вот разве что на крест я не собираюсь, это точно.

И пристально посмотрел на собравшихся.

В ответ все дружно подняли чарки и выпили за многие атамановы лета. Заколев поднялся с места, пошел вокруг стола, кладя одобрительным жестом руки на плечи гулявшим. Дошла очередь и до Бруковского. Атаман как раз стал за его спиной, когда тот медленными глотками опустошал граненый стакан водки за атаманово здоровье. Никто не успел заметить, как в руках у Закольева оказался нож — в следующее мгновение он резанул Бруковского по горлу с такой силой, что у того водка хлынула из раны вместе с кровью.

Заколев молча обвел взглядом побелевшие лица своих собутыльников. Спихнув тело незадачливого «атамана» на пол, он хладнокровно взял его тарелку, вернулся на свое место и спокойно прикончил то, что не успел доесть Бруковский.

— Не годится нам разбрасываться харчами, — произнес он тоном рачительного хозяина.

Этот поступок в лагере только усилил и без того тревожные настроения, вызванные поведением атамана и его душевным состоянием. Но о том, чтобы сменить власть, никто с тех пор и не заикался. Больше того, даже пьяная ругань и драки, которыми прежде нередко заканчивались

попойки у костра, тоже прекратились. Люди теперь все больше шушукались по углам, боясь, чтобы неосторожное словцо не долетело до атаманова слуха.

Тень атамановых подозрений упала даже на самого Королёва. Как-то раз, в феврале, атаман застал Королёва в конюшне. Тот как раз вернулся с охоты. Не говоря ни слова, Закольева медленно поднялся по лестнице и заглянул на чердак, потом обошел стойла, чтобы убедиться, что в конюшне никого нет. Королёв только следил за ним напряженным взглядом. Наконец Закольева подошел к нему, и Королёв заметил, как играли желваки на его бледном лице.

— Помнишь такого Сергея Иванова? Пару лет назад мы его того... в грязь лицом? Если запомнил — напомним, ты еще его жене шею свернул...

За последние несколько лет однорукий гигант столько положил в грязь лицом, что их лица давно стерлись у него из памяти. Но как раз Иванова он запомнил и потому, что тогда в первый раз усомнился: в своем ли уме атаман — оставлять жизнь человеку, у которого они только что убили беременную жену и надругались над ее телом...

Атаман снова заговорил, и что-то в его голосе Королёву послышалось такое, что он враз вернулся от воспоминаний к действительности.

— Еще раз тебя спрашиваю, — прохрипел Закольева, — по-твоему, он был еще жив, когда мы бросили его?

— Это ты мне приказал его бросить, — отрезал Королёв, не спуская глаз с Закольева. — Ты сказал, я сделал. Да, как по мне, так он был еще живой — тогда живой. Так ить голову ему провалили, и вообще...

— Ты мне тут не рассуждай, ты мне прямо говори — жив он сейчас или нет?

Закольева всего затрясло, словно в лихорадке, и он пулей вылетел из конюшни. Сергей Иванов преследовал его повсюду, отравлял не только его сон, но и явь. Теперь Закольева жестоко раскаивался в том своем поспешном решении сохранить ему жизнь. Сомнения и прежде точили его, но теперь от одной лишь мысли об Иванове у него начинала раскалываться голова и желудок выворачивался наизнанку. Королёв был прав: надо, ох надо было добить его: придет время, и скорбь Иванова обратится в гнев, и он решит мстить.

Закольеv уже давно понял: *зверюга*, что раньше терзал его во сне, но не хотел показывать своего лица, теперь решил не прятаться. Беловолосый человек идет по его следу, чтобы сделать его ночной кошмар явью.

На смене веков в скиту на далеком Валааме, где братия молилась, чтобы ничто не потревожило мира в это беспокойное время, воцарилось удивительное спокойствие и праздничное настроение. Но сам день нового года ничем не отличался от остальных таких же дней в году — такой же холодный рассвет, службы и молитвы — а для Сергея еще и тренировки.

Весна пришла с разноцветием трав, с перелетными птицами, звоном капли и журчанием ручьев. Суровый остров словно возрождался к новой жизни. Та работа, которую Сергей продолжал делать в монастырском саду, в прачечной или на кухне, давала ему чувство сопричастности с жизнью монастырской общины и здоровое равновесие с его боевыми тренировками.

Таким вот образом и за этими занятиями пролетели четыре года на острове, где смену времен отсчитывали разве что по столетиям. Но даже до этих уединенных мест долетали новости из внешнего мира: и о «восстании боксеров» в Китае, где вооруженные лишь мечами и копьями, а то и просто кулаками бойцы поднялись против японцев и европейцев, и о том, что Россия отправила войска для оккупации Маньчжурии. Но если кто-то и заговаривал об этом в монастырском скиту, то ответом был разве что короткий кивок, чтобы затем вернуться к вещам более возвышенным.

Тем временем Сергей начинал делать успехи: Серафим обучил его, как двигать руками, ногами, бедрами и плечами независимо.

— Пусть твой ум будет сосредоточен на чем-то одном и одновременно — на всем сразу, — говорил он. — Расслабь тело и отпусти ум. Оставаясь текучим и открытым, ты можешь наносить удар рукой по противнику, что перед тобой, и в то же время ногой по тому, кто сзади, даже если при этом твое тело движется или поворачивается. Твоим противникам будет казаться, что они бьются с осьминогом.

— Не важно, сколько человек выходят против тебя, — объяснял ему Серафим. — Даже если они тебя окружили, ты будешь биться только с одним человеком в один конкретный момент. И если даже нападают десять или двадцать человек, они просто будут путаться друг у друга под ногами и не смогут наброситься на тебя все сразу. Из трех или четырех, которые нападут на тебя скорее всего, ты

двигайся к тому, кто к тебе ближе, — только не жди, когда он сам до тебя дотянется.

В тот же день Серафим научил его жонглировать двумя камешками, потом тремя.

— Работать одновременно с несколькими противниками очень похоже на то, как работает со своими предметами жонглер. Ты подбрасываешь в воздух по одному камешку за раз, но в быстрой последовательности. Если твое внимание тебя подведет в жонглировании, ты упустишь камень; если твоя концентрация подведет тебя в схватке, потеряешь жизнь. Поэтому оставайся все время расслабленным, сосредоточенным и постоянно двигайся, чтобы перед тобой был только один противник... потом следующий... и следующий... Сохраняй раскованность сознания и подвижность тела... мирное сердце и дух воина.

Хотя Сергей приехал на Валаам прежде всего для боевой подготовки, и у него, и у Серафима также были свои обязанности, без которых невозможно в монастырской и скитской жизни. Присутствие Серафима постоянно требовалось в самых разных местах. К нему не переставали приходить монахи за духовным руководством и наставлением, он также не прерывал своего целительства в монастырской лечебнице. Но вечера по большей части были посвящены обучению Сергея.

Из этих уроков Сергей часто выходил разбитым и физически, и духовно, постоянно сомневаясь, хватит ли ему сил дотянуть до конца учения. И все же он с нетерпением ждал каждого нового занятия, ибо невозможно было предугадать, чему в этот раз захочет научить его монах. В один из дней и потом еще целую неделю Серафим показывал ему как бросать ножи правой и левой рукой: над рукой, из-под руки, стоя, лежа, а еще на бегу и в подкате.

Затем они перешли к тому, как правильно прилагать силу для воздействия на болевые точки и жизненно важные центры. Такими ударами можно было парализовать ногу или руку. Серафим также показал ему, как хлестким вращательным движением наносить удар по двум и даже трем нападающим одновременно и перенацеливать удар противника, нанесенный рукой или ногой, чтобы он попадал не в цель, а в другого нападавшего.

Как-то раз на одной из тренировок Серафим подметил, что Сергей, не отрываясь, смотрит на жуткого вида топор, который он держал в руках.

— Не смотри так напряженно, — приказал он. — Вместо того чтобы сосредоточиваться на руках, ногах или глазах твоего противника, держи в поле внимания все, что происходит вокруг тебя. Открытый взгляд расширяет твое восприятие и передает в разум твоего противника мощное послание, что он всего лишь временная проблема, которую ты вот-вот устранишь. Так что смотри сквозь него, словно ты едва замечаешь его нападение, при этом не теряя сосредоточенности.

— Неужели такое возможно? — спросил Сергей.

— А вот скоро сам узнаешь, — заверил его Серафим.

Шли месяцы, и в один прекрасный день Сергей стал понимать, что его обязанности по скиту, часы, отведенные для службы и созерцания, не только не отвлекали его от тренировок, но стали неотъемлемой частью его подготовки. Боевые движения и созерцательная жизнь оказались взаимопроникающими, смешавшись в нераздельном сосуществовании. Почти не замечая этого, он переносил в повседневную жизнь навыки, полученные в боевой подготовке.

— А разве может быть иначе? — согласно кивнул Серафим. — Да и стал бы я тратить время, чтобы учить тебя только тому, как поквитаться с обидчиками. Мне хочется верить: за то время, что было нам отпущено, я скорее научил тебя, как жить с людьми, чем тому, как драться с ними. И я молюсь, чтобы жажда мщения оставила тебя.

Сергей только промолчал в ответ. Да и что он мог на это ответить?

К середине пятого года пребывания Сергея на Валааме его тренировки усилились, стали и шире, и глубже. Все это время Серафим продолжал держать его на пределе возможного. И однажды Сергей осознал, что постепенно меняется не только то, как он ведет бой. Он заметил за собой, что, подметая пол, открывая дверь, чистя на монастырской кухне горшки и миски, стал двигаться точнее и грациознее.

Он чувствовал, что в его теле происходят перемены, оно стало чувствовать себя... другим, не тем, чем было прежде. Без всякого сомнения, стали заметно выше его бойцовские качества. Но и он в свою очередь стал частью скита, как те молодые деревья, что были частью самого острова. Тем более что внешнему миру не было никакого дела до того, что где-то некий молодой человек по имени Сергей Иванов учится двигаться, как ребенок.

Но разве это не Серафим напоминал ему, еще несколько недель назад:

— Дитя реагирует на каждый момент всякий раз по-новому, не строя планов или каких-то ожиданий. И это очень неплохой способ выживать... да и *жить* тоже.

Сергеево путешествие продолжалось, но теперь оно стало путешествием вспять, к невинности. Он даже не мог вспомнить теперь, какими были его разум или тело, когда он только ступил на Валаам, надеясь найти таинственного Мастера. И пусть пока он лишь копировал своего наставника — главное, он уже мог понимать, что и почему делает старый монах. И это завораживало его все больше и больше.

У него в голове постоянно вертелась поведенная Серафимом история о вечно усталом человеке, что каждый день молился о ниспослании сил. Но молитвы эти оставались без ответа. Наконец, в порыве отчаяния, он возопил: «О Господи, ну когда же ты наконец наполнишь меня силой?» И в этот момент услышал: «Я не перестаю наполнять тебя, это тебе давно пора заделать течь!»

Сергей тоже понемногу закрывал свои течи. Теперь он явственно ощущал, как каждый новый день приносит ему новые силы — для того, казалось ему, чтобы справиться с задачей, что еще ждала его впереди.

Несколько последующих недель Серафим продолжал отрабатывать с ним подсечки, уходы и удары, а также прикосновения к особым местам на теле, сопровождавшиеся потерей эмоционального равновесия.

— Обрати внимание, — говорил он, — когда я нажимаю здесь, ты чувствуешь страх, когда я ударяю сюда, ты ощущаешь грусть. Здесь нет двух одинаковых людей. И все же, когда эмоции возникают, дай им пройти сквозь тебя, оставаясь сосредоточенным на своей цели.

Время от времени старый монах отвечивал Сергею сильнейшие оплеухи. Поначалу ошеломленный Сергей не-

вольно останавливался даже посередине отработки определенной техники. Но пришло время, когда он научился достаточно сосредоточиваться, чтобы не реагировать и продолжать работать через боль.

Как-то раз один из монахов подметил «здоровый румянец» на щеках Сергея, когда они работали на кухне.

— Да и как иначе, — заключил он. — Это твое общение с отцом Серафимом приносит благотворные плоды.

Сергей улыбнулся. «Если б вы только знали», — подумал он.

В один из вечеров отец Серафим позвал еще четверых монахов в трапезную, которая по вечерам превращалась в тренировочный зал. Без их участия было не обойтись в одном упражнении. Монахи, давшие обет ненасилия, тем более на острове с такими строгими правилами, не могли участвовать в боевых тренировках. И тем не менее они безропотно подчинились отцу Серафиму, полностью полагаясь на его мудрость. Поэтому они согласились исполнить то, что приказал им Серафим: крепко взяться за ноги, руки и голову Сергея, который лежал в этот момент спиной на полу, а потом тянуть его в разные стороны, тем самым причиняя ему боль. Задачей Сергея было оставаться расслабленным. Это упражнение оказалось на удивление трудным для него — может быть, по той причине, что пробудило в нем воспоминание о том ужасном дне, когда он, точно так же, словно прищипленный, лежал на земле, не в силах даже пошевелиться. Но постепенно научившись расслабляться и пользуясь техникой, которую показал ему Серафим, он всякий раз освобождался от захвата.

— До тех пор пока ты будешь оставаться расслабленным и изменчивым, — подчеркнул Серафим, — тебя никогда никто не сможет обездвижить, сколько бы рук ни пытались прижать тебя к земле.

А Сергею вдруг вспомнился тот день, когда он наконец смог рассказать Серафиму о тех событиях, которые и заставили его отправиться в путь. Слушая его, старый монах только молча кивал, и Сергей никак не мог избавиться от мысли, что старому монаху уже все известно и его слова только подтверждают то, что тот видел и сам...

Стряхнув задумчивость, он постарался сосредоточиться на том, что ему продолжал говорить Серафим:

— ...вместо того чтобы пытаться немедленно вырваться из захвата, продолжай сохранять физический контакт. Это даст тебе возможность знать, где сейчас твой противник. Пусть он держит тебя — на самом деле это ты его не отпускаешь. Когда понадобится, ты сможешь сделать одно движение, чтобы сбросить его.

Наставления и тренировки шли бесконечной чередой, сменяя друг друга. Та зима прошла для Сергея в болезненно-остром осознании своей слабости, отсутствии равновесия и неумении сбросить напряжение. Когда он говорил Серафиму, что у него стало получаться даже хуже, тот только улыбнулся в ответ:

— Не хуже, нет. Ты делаешь прежние ошибки, просто в меньшей степени. Никто в этой жизни не совершенен; если тебе удалось стать лучше — это уже хорошо. А тебе — еще работать и работать над собой.

Не обходилось и без забавных моментов. Однажды вечером, когда Серафим продолжал с помощью кожаного кнута тренировку на преодоление боли, один из проходивших мимо монахов покачал головой и пробормотал:

— В Средние века за таким упражнением, наверное, целая очередь выстроилась бы.

Когда брат удалился, они оба рассмеялись. Затем, по-серьезнев, Серафим сказал:

— Ни один человек в здравом рассудке не будет стремиться к боли, Сократес. Мне тоже не доставляет удовольствия причинять тебе боль. Но подобная тренировка, если проводить ее правильным образом, поможет тебе прийти в такое состояние, что боль, полученная в бою, уже не сможет напугать тебя или замедлить твои движения.

После этого каждый раз, когда Сергей чувствовал, как плеть рвет кожу на его спине, он думал о Закольеве.

Весной 1903 года Серафим на каждой тренировке завязывал ему глаза, чтобы усилить его восприимчивость и чувствительность. Бывало, он водил Сергея по лесу с завязанными глазами, говоря:

— В случае, если ты временно лишился зрения, тебе нужно продолжать биться, опираясь на те чувства, что у тебя еще остались.

Достаточно нападавшись и понабивав себе шишек, Сергей начал ощущать препятствия и обходить их. Его слух также стал значительно острее. Вдобавок, он научился чувствовать энергию предметов, что его окружали. И все это время Серафим не прекращал подталкивать его со спины, сбоку или спереди, и Сергею следовало постоянно расслабляться и уходить в сторону или откатываться. Если же ему не удавалось определить, где сейчас наставник, тот приводил его в чувство простым ударом своего посоха. По возвращении в скит Серафим заводил его в трапезную, заставляя отгадывать, есть ли в ней кто-то из братии и сколько их.

Время от времени Серафим также заставлял Сергея закрывать глаза и максимально подробно описывать все, что окружало его в этот момент. Это помогало ему лучше сосредоточиться на окружении, вместо того чтобы мысленно блуждать где-то еще.

— Ты учишься понимать, — приговаривал Серафим, — что значит думать *телом*, когда оставляют ум и полагаются на чувства.

Серафим привязывал тонкие веревки к лодыжке и локтю Сергея, чтобы лишить его равновесия в тот момент, когда он сражался с несколькими воображаемыми противниками. Он также связывал сначала одну, затем обе Сергеевы руки ему за спиной, заставляя работать плечами, подбородком, бедрами, головой, ступнями, коленями и торсом.

— Ну а если нет возможности вообще ничего из этого пустить в ход, — настаивал Серафим, — тогда пускай в ход мозги. Ты еще не раз удивишься тому, сколько способностей заложено в тебе, особенно если выпадет неожиданная ситуация.

Сергей также учился новым для себя способам освободиться от захватов и удержаний: от захватов головы рук и различных удушающих захватов — нанесением точно выверенных ударов в определенные точки на теле противника. Затем он изучил способы, как можно справиться с одним или несколькими противниками, лежа на спине, на боку, вставая на ноги, — для того, чтобы он

мог драться, будучи раненным, или на неровной местности, или с неудобного положения.

Как-то раз, размышляя о той цели, которую он поставил перед собой, и о тех, с кем ему предстояло сразиться, он сказал Серафиму:

— Некоторые из моих противников выше ростом и сильнее меня физически. Один из них настоящий великан...

— Это не имеет значения, — ответил монах. — Большие люди могут хорошо драться на дистанции, но мягкость, текучесть и скорость превозмогут любые размеры и силу. Человек маленького роста может биться на близком расстоянии. Каждый тип сложения имеет свои сильные и слабые стороны, так что нужно работать над тем, чтобы слабые стороны были не так очевидны, и сосредоточиться на сильных. Даже того, кто быстрее тебя, ты можешь победить, если мгновенно среагируешь на атаку, а не будешь ждать, когда он успеет нанести удар.

В то лето, когда Серафим решил, что Сергей наконец готов к тому, чтобы «начать учиться», они встретились на лесной поляне, и Серафим показал ему несколько исключительно эффективных движений, как уходить от атаки и разоружить человека, вооруженного саблей или мечом. Держа в руках острую, как бритва, саблю, мягко скользя над землей и рубя саблей воздух, Серафим сказал:

— Если научишься, как работать саблей, легче будет научиться и тому, как от нее защищаться.

После того как Сергей несколько недель отрабатывал различные атаки и удары на манер японских самураев, Серафим предложил ему вынуть саблю из ножен как можно быстрее и ударить его.

Сергей стоял примерно в трех метрах от наставника. Он уже был готов вынуть саблю из ножен и, как можно быстрее сократив расстояние, нанести удар, как и приказал Серафим. Но как только он начал двигаться, Серафим оказался рядом, захватив Сергееву руку так, что он не в состоянии был вытащить саблю из ножен. Затем показал, как он мог отключить Сергея несколькими приемами.

— Никогда не бойся оружия, только человека, который работает им. Сосредоточься на своем противнике, пока тот сосредоточен на своем ноже, сабле или пистолете. Он вкладывает свою силу в оружие, но забывает об остальном теле. И в тот момент, когда ты захочешь уклониться от оружия, делай это без промедления, не раздумывая! Сократи дистанцию и разоружи его до того, как он успеет им воспользоваться. Останови атаку до того, как она начнется.

Но понадобилась не одна неделя терпеливых тренировок, прежде чем Сергей научился преодолевать расстояние до противника за какие-то доли секунды.

Затем, на первый взгляд неожиданно, тренировки приняли совсем другой характер. Однажды, когда они возвращались обратно в скит после обычной прогулки на свежем воздухе позднего сентября, Серафим заговорил о выдержке и нравственности боя:

— Ты хорошо себя показал за эти годы, Сократес. Но тренировка навыков — это еще не все, это только начало. Движения великих воинов так раскованны и свободны потому, что они сражаются за дело, большее, чем они сами. Только подчинившись Божьей воле, можно добыть победу на поле боя и обрести мир в жизни.

Серафим стал жестикулировать, как он обычно делал, когда хотел выделить какой-то особо важный момент:

— Настоящий воин, Сократес, не теряет своего человеческого облика даже в бою. Если настроишься на то, чтобы одержать победу любой ценой, можешь незаметно и душу свою потерять. Тот, кто сражается с драконом, может и сам стать драконом.

Эти слова и глубокая духовность, которая за ними стояла, проникли не только в ум Сергея, но и в его сердце. Он не мог не смотреть на мирного воина-монаха с благодарностью. Тот согласился принять на себя роль его наставника и продолжал оставаться им последние семь лет. Сергей вдруг понял, насколько нелепым было то, что он перестал звать его «отцом», хотя именно это место, пустовавшее в душе еще с детских лет, Серафим как раз и занял.

В эту ночь, когда Сергей по обыкновению произносил молитву любви и памяти по Ане и своему сыну, он мыс-

ленно поблагодарил Серафима за его духовную щедрость и неподдельное человеколюбие.

Сергею было известно с самого начала, что Серафим не принимал той цели, которую он наметил перед собой. И все же каждый день, если его не отвлекали безотлагательные монастырские дела, этот отец острова продолжал дарить Сергею часть своей жизни и своего опыта, не получая взамен ничего, кроме Сергеевой признательности. Но для Серафима и это, очевидно, казалось щедрой наградой за то, что он мог служить непостижимой воле Творца.

Понимание этой истины наполнило сердце Сергея еще большей любовью к своему наставнику.

Закончилась утренняя тренировка с Егорычем, и Павлина помчалась через лес к речке, радостно смеясь, дразня Константина и не давая заключить себя в объятия. Пока что ему не составляло труда догнать Павлину. Но ее сила и ловкость росли так стремительно, что чувствовалось:

скоро ему придется изрядно постараться, чтобы догнать подружку.

Константин, превратившийся за эти годы в высокого и стройного подростка, оставался ее защитником и другом. Правда, Павлина уже больше не нуждалась в его защите — она с удивительной для одиннадцатилетней девочки силой вполне могла постоять за себя сама. Ну и конечно никто из старших в лагере и без того не осмелился бы хоть чем-то задеть закольевскую любимицу. Павлину, особенно в ее ранние годы, если и нужно было защищать, так разве что от самой себя. Она успела перепробовать все рискованные забавы, на которых другой бы свернул шею: влезала на самые верхушки деревьев, проходила по скользкому бревну над бурной речкой. Выносливая и неукротимая, как мальчишка, она запросто могла положить на обе лопатки любого из них.

Павлине удавалось справляться даже с некоторыми из старших по возрасту подростков-мальчишек. Егорыч тренировал ее в традиционном казацком стиле рукопашного боя, где главное внимание уделялось плавности движений, равновесию и скорости, а не грубой силе. Все в лагере были согласны с тем, что у Павлины, бесспорно, талант рукопашного бойца. Правда, никто даже не осмеливался поинтересоваться, а зачем, собственно, атаман Закольев надумал учить ее всему этому. Каждый из мужчин в лагере должен был показать ей всё из боевых техник, что только знал и умел сам. Один только Королёв не соглашался, как он говорил, «играть в песочнице».

Атаманова любовь к ней была поистине безмерной, но даже его сантименты уступали место отцовской строгости, когда дело доходило до ее бойцовской тренировки. Он требовал от нее, чтобы она выкладывалась на полную силу каждый день, на каждой тренировке — а их в течение дня бывало две, а то и три. Но Павлина и не думала жаловаться. Ей было не занимать ни сил, ни желанья, и она гордилась своими успехами. На самом деле она занималась с такой самоотдачей, что изумляла всех, кто за ней наблюдал.

Константин же большую часть времени проводил наедине с собой, в мечтах и чтении. Еще ему полюбили рисовать — где угодно, на чем попало: прутиком в пыли или

углем из костра на клочке бумаги, если ему вдруг попадалась в руки такая редкость, как клочок бумаги. И еще он думал о Павлине. Ему нужны были ее нежность, ее невинность — сам он уже растерял эти качества в сутолоке лагерной жизни. Ему казалось, в те минуты, что они были вместе, он словно выходил из неубранной хаты в лес, полный весенних ароматов. Если была возможность, он, устроившись в каком-нибудь укромном месте, всегда наблюдал, как Егорыч тренирует девочку.

Выше и сильнее Егорыча в лагере был разве что гигант Королёв. Своей массивной фигурой и тяжелой поступью старик напоминал Константину медведя. Это сходство только подчеркивалось густой каштановой бородой. Руки и грудь, поросшие рыжими курчавыми волосами, тоже были похожи на медвежьи лапы. И сила у него была медвежья, не меньше. Хотя он не мог двигаться так же проворно, как тот молодняк, что ему отдавали в науку, их потуги справиться с ним были ему нипочем.

В той, прежней жизни он был каменщиком. Затем судьба свела его с Закольевым. Как-то в кабачке коренастый старик что-то не поделил с Туморовым. Еще через минуту Туморов и те, кто поспешил ему на подмогу, уже лежали плашмя. Никто из них серьезно не пострадал, если не считать немного подмоченной репутации тех, кто привык считать себя непобедимым бойцом. Когда на шум зашел Заколев, Егорыч сказал ему: «Если прикажешь, могу поучить твоих щенят, как надо драться». Так он и пристал к заколевскому отряду, и у Заколева не было случая пожалеть об этом приобретении. Никто не мог справиться с ним. Единственный раз ему случилось упасть в драке под тяжелым кулаком Королёва. Гигант своим кулачищем едва не провалил старику голову, но и сам пропустил несколько столь внушительных ударов, что проникся уважением к старому бойцу.

С тех пор к нему и прилипло дружески-почтительное прозвище «старик Егорыч». Был он послушным, верным и никогда не задавал вопросов — словом, идеальный учитель для Павлины. Егорыч счел великой честью для себя то, что атаман приставил его наставником к девочке. Старик радовался каждому ее успеху, каждому движению и приему, который его ученица от него переняла. Своих детей, да и семьи своей, у Егорыча никогда не было, и это еще сильнее

сблизило его с Шурой, единственной женщиной в лагере постарше. На самом деле именно Егорыч и Шура стали девочке за родителей.

Егорыч ладил со всеми в отряде, кроме Королёва. Ему было не по нутру то, какими глазами гигант с некоторых пор стал глядеть на Павлину. Королёв был не настолько самоуверен, чтобы приставать к ребенку, но Егорыч, достаточно насмотревшись, какими нравами жил закольевский отряд, старался по возможности не оставлять девочку без присмотра.

Каждый день Егорыч гонял Павлину до изнеможения, изобретая для нее все новые и новые упражнения и нагрузки: бег, плаванье, лазанье по скалам. С некоторого времени он также обучал ее техникам, с которыми других своих подопечных предпочитал не знакомить. Он приберег кое-что про запас для своей любимицы.

— Случись дочке остаться одной, — бормотал он себе под нос, — а меня не будет рядом, она должна суметь самостоятельно дать отпор любому, в том числе и однорукому гиганту.

Егорыч решил посвятить этому свою жизнь.

Константин между тем рос как на дрожжах. Постоянно голодный, он все время вырастал из своей одежды и обуви. Одно время он даже ходил босиком, пока не подобрал для себя пару сапог, на которые никто не позарился, из кучи брошенных вещей, регулярно появляющихся в лагере после каждого набега. Порой он чувствовал себя смешным и неуклюжим. Привычно уже устраиваясь вместе с мужиками у костра, он слушал их рассказы о женщинах, но даже не осмеливался подумать о чем-то подобном между собой и Павлиной — ему становилось плохо только от одной мысли о чем-то подобном.

Его чувство к Павлине — вот то, что оставалось постоянным среди тех перемен, что принесла ему жизнь за эти годы. Павлина была единственной живой душой на свете, для которой он хоть что-то по-настоящему значил в этой жизни, несмотря ни на что. Привязанность к «папке» сменилась у Константина жгучей ревностью. Тот, кем Павлина так восхищалась, вызывал у него все большую

неприязнь. Но ведь, в конце концов, она видела только одну сторону атамановой жизни. Для нее он был защитником, покровителем, отцом. К тому же он ни разу не дал Павлине повода усомниться в искренности его отцовской любви. Она не знала, кем на самом деле был Дмитрий Закольева, а Константин просто не находил в себе силы раскрыть ей глаза на то, какой страшный человек их атаман.

Константин старался скрывать свою растущую привязанность к Павлине. Когда-то он был ей как брат, но теперь его чувства изменились, став глубже, совсем иными. Он понимал, что в действительности должен испытывать благодарность к атаману. Ведь тот только приветствовал их дружбу — настолько, насколько она не мешала ее тренировкам. Тем более что еще много лет назад атаман лично распорядился, что в отряде он будет только помощником, но не бойцом, и все свое время должен посвящать Павлине. Поэтому не было ничего удивительного в том, что никто из мужчин не приглашал его изучать боевые искусства.

По правде говоря, он был даже рад этому. Мысль о том, чтобы стремительно мчаться на лошадях с другими, «настоящими мужчинами», размахивая саблей, уже не привлекала его. У него были другие интересы и способности. Куча вещей, которые были отняты у убитых евреев, но никого в лагере не заинтересовали, становилась все больше. Однажды Константин нашел в ней настоящую драгоценность — набор кистей и красок. И пока Павлина совершенствовалась в своем искусстве, Константин тоже не сидел без дела. Когда не было бумаги, чтобы рисовать кистью, он рисовал углем на всем, что попадало под руку. Он мог часами сидеть, не замечая ничего вокруг, рисуя то, что видели его глаза: деревья, лошадей и птиц, а иногда и причудливые образы из своих снов.

Только мысль о своем будущем могла навести на Константина тоску. Неужели же, спрашивал он себя, так всю жизнь он и просидит здесь, вместе с женщинами и Егорычем, в ожидании, когда те самые «настоящие мужчины» вернутся с вылазки. А ведь в их числе уже были и многие из его сверстников. Для них Константин был просто чудаком.

Одна Павлина понимала его.

Но и с ней рядом он тоже чувствовал себя неловко. Непринужденности, что прежде наполняла их отношения, уже

не было. Когда им случалось остаться наедине, он чувствовал себя ужасно неуклюжим, не решаясь сказать ей всего того, о чем раньше так легко говорилось. И он заводил разговор о тренировках, а она отвечала ему с таким жаром, что он понимал — в ее глазах он остался все тем же самым близким другом.

Константин не раз любовался, как развеваются волосы Павлины цвета густого чернозема, когда она бежала ему навстречу. Для него она была красавицей, даже в мальчишеской одежде. Однажды он не удержался и нарисовал ее лицо — потом оба они смеялись над этой попыткой. Но снова и снова Константин принимался рисовать ее, но ему так и не удавалось поймать той ее красоты, что поражала его. Если бы не защита атамана, эта красота принесла бы Павлине немало бед.

Атаман. Их «папка». От одной только мысли о нем кровь бросилась в лицо Константину. Лицемерие и обман, царившие в лагере, были ему невыносимы. Павлина же видела только то, что хотела видеть, — и то, что ей разрешалось видеть. Строгая, почти затворническая жизнь атамана, и еще отряд всадников, который зачем-то регулярно уезжал из поселка.

Константин понимал, что обязан рассказать ей обо всем, но с каждым днем молчания ему становилось все тяжелее заставить себя сказать ей правду. Да и она не поверит ей, этой правде. Скорее он потеряет ее доверие. Возможно, Павлина даже возненавидит его. Ну а если и она выступит против «папки», то это кончится катастрофой для них обоих.

Ему нужно было просто ждать момента, когда ее глаза раскроются сами на ту правду, которую он не решался ей открыть.

Павлина, с ее чистым умом и добрым сердцем, склонна была видеть те же качества во всех, кто окружал ее. Конечно, и ей случалось быть свидетельницей гневных припадков и необъяснимой смены настроения, что все чаще случались у отца. Но, как и всякий любимый ребенок, она считала недостатки отца чем-то незначительным. Отгороженная от остальной жизни его непререкаемым

авторитетом, полностью отдавшись тому занятию, которое он для нее придумал, Павлина просто не имела времени и возможности раздумывать о чем-то другом. Она считала само собой разумеющимся, что ей, как единственной и любимой атамановой дочке, положено и особое обучение, и особое отношение. Она не замечала покорного, незаметного положения остальных женщин, их жизни, состоявшей исключительно из стирки, стряпни и прислуживания мужчинам.

И лишь иногда, в те несколько спокойных минут, что у нее были перед сном, Павлина задумывалась о жизни, которой она могла бы жить среди других женщин, неторопливой и размеренной...

В конце концов, у меня есть мой старый медведь, вздыхала она. И еще рядом со мной всегда будет Контин.

Прошло целое десятилетие после гибели его жены, и все эти годы слились для Сергея в единый миг подготовки к одному-единственному акту возмездия. Иногда это ему самому казалось каким-то безумием, в других же случаях — делом справедливым и благородным. Кто-то убил твою семью. Ты отправляешь его в ад. Все просто, и ни к чему все усложнять.

К этому времени он, сам того не осознавая, стал мощным воином, оставив далеко позади и Алексея-Казака, и даже Разина. Сила и мощь, растущие не по дням, а по часам, так и изливались из него, словно подтверждение его мастерства, непобедимости, смиряемые разве что периодическими взбучками Серафима.

Но с вместе с метаморфозой, которая произошла в Сергее, все сильнее становилось его беспокойство и нетерпение. Вопрос, который он уже не раз задавал себе, по-прежнему не давал ему покоя: сколько еще я буду позволять Дмитрию Закольеву ходить по этой земле? В мыслях он то и дело устремлялся на юг, к черте оседлости. Едва ли закольцеванная банда покончила со своим прошлым. Скорее всего, они и дальше продолжают проливать кровь невинных людей.

Сергей наконец принял решение. Пришло его время снова отправляться в путь. Но и расстаться со своим старым учителем, вдруг понял Сергей, ему будет непросто. Он восхищался Серафимом, и к этому восхищению, неожиданно понял он, было подмешано еще и чувство зависти, зависти к тому миру, который царил в этой уединенной обители, к чувству умиротворения и благодати, которых, возможно, Сергей никогда и нигде не найдет более. И все же ему хотелось верить, что однажды и ему удастся познать то, что так хотел открыть для него старый монах.

Он сообщил Серафиму о своем решении при следующей же встрече:

— Серафим, пришло время мне собираться в дорогу. Серафим только молча разгладил бороду и сказал:

— Что ж, может, и так... Но мне все-таки непонятно, Сократес, как ты собираешься победить столько людей

зараз, когда ты не можешь даже старика-монаха поставить на место?

— Ты хочешь сказать, что, прежде чем уйти, я должен победить *тебя*?

— Ты ничего мне не должен. Это скит, а не тюрьма. Двери открыты — можешь уйти, когда захочешь.

— Я хотел бы уйти с твоим благословением.

— Ты уже получил мое благословение, в тот день, когда мы только встретились. И даже раньше...

— Серафим, ты ведь понял, что я хотел сказать.

Старый монах улыбнулся.

— Мы оба поняли, о чем идет речь. Я просто хотел сказать вот что: если ты победишь меня в спарринге, это будет хороший знак, что ты уже готов.

Несмотря на то что они уже не раз спарринговали в прошлом, этот поединок должен был стать совсем другим. Это уже больше не будет поединок мальчика против гиганта. На стороне Сергея теперь были не только скорость и молодость, но еще и опыт постоянных тренировок. Теперь он в уме не прекращал тренировок, даже когда ел, работал, даже когда спал. Да, он уже был готов к такому поединку.

Сергей кивнул, и Серафим ответил ему таким же кивком.

Они стали кружить один против другого. Сергей глубоко вдохнул и сделал прямой, но ложный выпад, стараясь провести финт. Не отвечая на его обманные движения, Серафим продолжал расслабленно стоять, пока Сергей танцевал вокруг него. Затем старый монах шагнул вперед и взмахнул рукой. Он едва заметным движением чуть не свалил Сергея с ног. Но его ученик выстоял — ему удалось сохранить равновесие. Наоборот, Сергею самому удалось схватить Серафима за край рясы, и он уже сделал подшаг, чтобы провести бросок...

Но учитель его, словно растворяясь в воздухе, в последний миг постоянно уходил от удара.

Сергей наносил удары руками, ногами, делал выпады, пытался ударить его локтем, а Серафим отражал его натиск так мягко, что Сергей нигде не чувствовал сопротивления. Никакого сцепления. Монах никогда не был там, где Сергей ожидал его застать. И Сергей просто перестал чего-то ждать. В этот момент, в этот неожиданный миг перед ним, перед его взором и чувствами оказалось открыто все: Се-

рафим, небо, земля. Сергею удалось провести бросок, но Серафим в падении сам бросил Сергея, и они оба, словно в унисон, вскочили на ноги. Их бой продолжался, но в этом бою не было соперничества. Больше не было ни Сергея, ни Серафима. Было только движение энергии.

Затем Сергей сделал выпад. Прежде чем его нога коснулась земли, Серафим просто на глазах исчез, чтобы появиться уже в другом месте, рядом. Подсечка, и в следующее мгновение Сергей уже лежал, раскинув руки, на спине, а Серафим склонился над ним, готовый нанести завершающий удар. Поединок завершился.

Это уже было похоже на настоящий бой, а не на обучение. Серафим уже не поддавался Сергею. Да и не мог уже этого позволить. Но и Сергею наконец открылись качества его учителя, которые позволили тому взять верх и которых недоставало ему самому. Поединок завершился не его победой, но для Сергея он, тем не менее, стал огромным прорывом. В эти несколько минут он впитал все то, на что обычно ему требовалось несколько месяцев. И они оба знали это. Но это также означало, что он никуда не пойдет, по крайней мере скоро. Его тренировки будут продолжаться.

Но примут они такой вид, который он даже не мог себе представить.

Когда началось их следующее занятие, Серафим просто поставил его в известность:

— Вся твоя прошлая тренировка была только подготовкой к тому, что я собираюсь показать тебе. Сегодня день, когда тебе предстоит заново родиться. Я собираюсь обучить тебя той единственной технике, которой в первую очередь обязан теми скромными умениями, что я приобрел сам. Мы бы могли начать с ее отработки с первого же нашего занятия. Но тогда у тебя ушли бы на нее годы — лет двадцать. Проведя с тобой в подготовке эти несколько лет, мы смогли выйти на нее кратчайшим путем, чего ты так искренне желал. Но при твоём настоящем уровне подготовки, я думаю, мы сможем освоить эту технику не более, чем за год. А начнем вот с чего...

Это оказался самый радикальный метод боевой подготовки, с которым Сергей только сталкивался. И начался он со следующих слов.

— Приготовься, — сказал Серафим. — Сейчас я нанесу удар.

Сергей сбросил напряжение, уже привычно настраиваясь на расширенное состояние сознания. Он ждал, готовый отразить удар. Прошло какое-то время, но Серафим стоял неподвижно, словно статуя...

Сергей сделал глубокий вдох, еще один. Не вытерпев, он спросил:

— Так что же? Когда ты будешь нападать?

— Я уже нападаю, — ответил Серафим.

— Не понял...

— Тсс... Не шуми. Слова только притягивают твоё внимание к нижнему сознанию, и ты не замечаешь того, что происходит вокруг тебя.

В последовавшей тишине Сергей наконец увидел — рука Серафима и все его тело и в самом деле двигались в его сторону, но так медленно, что старый монах казался неподвижным.

Прошла еще минута.

— Что это, шутка? — переспросил Сергей. — В чем тут смысл?

— Подмечай каждый текущий момент, — сказал Серафим тихим и мягким голосом. — Почувствуй все свое тело, от пальцев на ногах до макушки и кончиков пальцев на руках. И постарайся сделать так, чтобы скорость твоей реакции на мое движение соответствовала скорости моей атаки.

Сергей лишь вздохнул в ответ и постарался как можно лучше исполнить то, что велел ему Серафим, двигаясь как можно медленнее и сосредоточеннее. Все это казалось совершенно бессмысленной тратой времени. И все же он двигался в едином ритме с движениями старого мастера те несколько минут, которые понадобились Серафиму, чтобы завершить свой хук, начатый несколько минут назад.

И в эти минуты он стал подмечать, где в его теле еще сохранялось едва осязаемое напряжение, и усилием воли сбрасывал это напряжение с бедер, желудка, плеч...

Когда первое движение было закончено, Серафим начал еще одно, хотя сложно было так сразу угадать, какое именно. В этот момент Сергей снова нарушил тишину:

— Серафим, я прекрасно понимаю, что медленное движение обрабатывать тоже надо. Но настолько медленно? За это время я успею сходить кухню подмести, прежде чем ты окажешься рядом со мной.

— Расслабься... Дыши... Наблюдай... — повторил Серафим. — Делай, как я...

И они продолжили, в полной тишине, так медленно, что солнце незаметно стало клониться к закату.

Казалось, само время остановилось, пока они продолжали практиковать. Прошла не одна неделя до той поры, пока скорость движений Серафима заметно изменилась. Партнеры по-прежнему двигались медленно, словно в густой патоке, но по крайней мере само движение уже было явно ощутимо.

Сергей стал исправлять неточности в своих стойках, которые он раньше не замечал, и глубоко расслабляться по ходу движения. Что бы ни происходило в каждый отдельный миг, его тело реагировало естественно, не прилагая усилий. Каждый уголок его тела был теперь открыт внутреннему взгляду.

Сергей начал ощущать связь различных частей тела, даже внутренних органов, костей и суставов, с потоками энергии, что текли от земли вверх через ноги и руки, которые становились проводниками вихреподобных потоков, шедших от энергетических центров тела.

Время от времени Серафим шепотом напоминал ему:

— Двигайся как водоросль... Плыви... Поднимайся... Падай... Поворачивайся.

Но по большей части они хранили молчание, потому что в словах больше не было необходимости. Движение стало глубокой медитацией, и временами, когда энергия вливалась в сердце Сергея, оно становилось неотличимым от молитвы.

В последующие месяцы Серафим продолжал атаковать его медленными, текучими движениями, нанося удар

кулаком... коленом... локтем, левой рукой... правой... джеб... хук... кросс... удар ногой... захват под всеми возможными углами... Солнце ползло по небу. Менялись тени. И времена года сменяли одно другое.

К середине лета, после тысяч атак, на каждый удар уходило не больше минуты. Постепенно в Сергее стало формироваться и расти новое чувство потока и ритма. Сергей уже давно перестал обдумывать то, что делает. Все теперь стало формой игры с энергией. Каждая реакция, ответ на каждое движение происходили сами по себе — бездумное движение, реакция без приложения усилий. Сергей мог часами пребывать в этом состоянии, похожем на сон. И все же это был не сон. Скорее нечто противоположное — это было чистое незамутненное восприятие, в котором не было разделения на отдельные «я», не было Серафима с Сократесом, а было одно целое, нераздельное, словно ветер, перелетавший из весны в лето.

К осени на каждое движение уходило уже всего пятнадцать секунд... затем десять... пять... Но Сергей уже почти не замечал своего прогресса. Его движение вперед перестало быть материальным. Какая бы сила ни входила в него, она впитывалась, распределялась в теле, смешиваясь с его энергетикой. Принципы новой техники он постигал словно бы костным мозгом. Он стал воплощением мастерства — притом что сам «он» ни к какому мастерству уже не стремился.

Пришла зима. Атаки теперь проходили молниеносно и хлестко, как удар кнута. Каждый удар парировался или отражался без приложения сил. Сергею не приходилось ничего делать, только удерживать свое восприятие.

В момент просветления Сергей наконец постиг, как двигается Серафим — с полнотой и грацией, которая прежде так восхищала его. Но, что казалось ему еще более удивительным, теперь и он сам мог так двигаться.

Оставив всякое сопротивление в уме и в теле, Сергей стал пустым, как незаполненный резервуар жизненной силы. Он уже давно приучился доверять Серафиму, затем доверять своему телу. И только теперь он смог прийти к доверию Тому, Что Есть.

Пришла весна, а с ней еще одна смена времен года. Теперь Серафим атаковал, как молния, — быстрее даже, чем видел глаз, — но для Сергея в этом не было никакой раз-

ницы. Движение оставляло лишь едва заметный след в воздухе, такой быстрый, что год назад Сергей едва ли смог бы различить его, не то чтобы среагировать или отразить. Но скорость и время больше ничего не значили.

Движение... движение...

И вот, без предупреждения, Серафим остановился.

Сергей едва не упал. Все его тело вибрировало. Он чувствовал, как энергия, сгустившаяся, словно туман, водоворотом кружит вокруг них.

— Да, здорово мы с тобой закрутили, — сказал Серафим.

Сергей только кивнул, улыбаясь.

— Что дальше? — спросил он.

— На этом все, — ответил Серафим. — Наша совместная практика закончена.

Какое-то время Сергей слышал только, как шумит ветер в верхушках деревьев. Не уверенный в том, что правильно понял, он переспросил:

— Ты хочешь сказать, что мои тренировки закончены?

— Тренировки никогда не кончаются, — ответил Серафим. — Они только становятся сложнее, в зависимости от того, какую цель ты перед собой ставишь. Теперь ты осознал суть движения, взаимные связи, суть жизни, если угодно. Кое-что ты понял и в том, как надо вести поединок. Ты получил то, зачем прибыл сюда.

— Приглашаю тебя завтра просто пройтись. Но только никаких разговоров о кровопролитии. Давай лучше подумаем о более высоком призвании, которое может ждать тебя на этом пути.

— Серафим... ты же знаешь...

— Завтра, — прервал его старый монах. — Поговорим об этом завтра.

Когда они встретились на следующий день, Сергей заговорил первым:

— Ты же знаешь, Серафим, я дал клятву на могиле своих близких... — начал он.

— Твою клятву, Сократес, ты дал себе, а не Богу, — ответил Серафим, неторопливо ступая по узкой тропке. — В действительности, твой единственный враг — разве что ты

сам. Примиришься с самим собой, и тогда не будет никого, кто бы мог нанести тебе поражение. И ты тоже не будешь желать чьего-то поражения.

Какое-то время они шли в молчании, прежде чем Сергей нашелся что ответить.

— В прежние годы у меня тоже был учитель. Он сказал как-то, что верность слову — это делать то, что ты должен делать, любой ценой, — или погибнуть, пытаясь сделать это.

Сергей повернулся к Серафиму и глянул прямо ему в глаза не как наставнику в боевых искусствах, а как духовному проводнику.

— Я принял такое решение, отец Серафим, — я должен сразиться с ними.

Он вдруг заметил, какой утомленный вид у старого монаха.

— Не хочешь остаться здесь, с нами, как один из нас, хотя бы еще на несколько лет?

— А те люди тем временем будут сеять разрушение и смерть?

— Нет такого уголка на земле, Сократес, где бы люди не сеяли разрушение и смерть. Сама природа несет разрушение и смерть — ураганами и землетрясениями, голодом и болезнями. Даже в этот самый миг невинные люди умирают от насилия и от голода десятками тысяч, по всей земле. Так не возомнил ли ты о себе, Сократес? Кто наделил тебя такой мудростью, чтобы знать, кому жить, а кому умереть и какой смертью? Кто ты, чтобы знать, кому и что уготовано Богом?

Сергей не нашелся что ответить, поэтому он ответил вопросом на вопрос:

— О каком Боге ты говоришь, отец Серафим? Бог милосердия и справедливости, который в своей бесконечной мудрости счел нужным забрать мою семью? Этому ли Богу ты молишься?

Серафим в ответ только поднял свои кустистые седые брови в недоуменном, оценивающем взгляде:

— Ах, Сократес, это хорошо, что ты больше не прячешься перед лицом того, что преследовало тебя так долго. Хотел бы я, чтобы у меня был готовый ответ на твои слова — пара добрых слов, которые смогли бы исцелить твою душевную рану. Но пути Господни неисповедимы и для

меня тоже. Был однажды такой мудрый человек по имени Гиллель, один из еврейских святых, который сказал: «Есть три загадки в этом мире: воздух для птиц, вода для рыб и человек для самого себя».

Я открыл для себя, что Бог — это загадка из загадок. И все же Он всегда с нами, как биение сердца, так близко, как наше следующий вдох... Окружает нас, словно воздух, словно вода... Ощутим везде и во всем. Но уму не по силам понять такое, только сердцу... Вот где ты можешь найти веру...

— Я перестал верить в Бога много лет назад.

— Даже неверующие ходят под Богом. Да и как может быть иначе? — Серафим пристально посмотрел на него. — Пребывай в этой тайне, Сократес. Доверься ей. Освободись от знания того, чему следует и чему не следует быть, и ты снова найдешь свою веру.

Сергей покачал головой.

— Все, что ты говоришь, отче, для меня было и остается истиной... Хотя я не совсем улавливаю смысл.

— Помнишь, было время, когда ты не мог меня поймать даже за край рясы? Но немного терпения — и смотри, что ты обрел теперь...

— И еще годы тренировок.

— Да. Возможно, пришло время учиться... но чему-то другому. — На мгновение монах умолк, подыскивая слова. — Твоя практика уже показала тебе, что наш ум имеет свои ограничения. Разум — это лестница в небо, спору нет, но до самого неба эта лестница немножечко не достает. Только мудрость сердца может незаблудно провести тебя по этому пути. Твой древний тезка, Сократес, напоминал афинской молодежи, что мудрость начинается со способности удивляться...

— И все же, Серафим, если оставить эти возвышенные слова, — что мне следует делать?

— А что все, по-твоему, делают? Нужно ставить одну ногу перед другой! Ты только актер по-настоящему великой драмы, смысл которой постичь может только Бог... временами мне кажется, что даже Бог не совсем понимает, что в действительности происходит! — сказал он, засмеявшись. — Мы можем только играть ту роль, которая нам дана, понимаешь? Те, кто возникают в твоей жизни — не важно, на пользу или во вред, — все они посланы Богом.

Встречай всех их с мирным сердцем, но с духом воина. На этом пути тебе не раз придется упасть, но в каждом падении тебе будет и наука. А научившись, ты найдешь свой путь. Пока что подчинись Божьей воле и живи жизнь, которая тебе дана, мгновение за мгновением.

— Как я могу узнать Божью волю, Серафим?

— Вера не в том, чтобы досконально знать что-то о чем-то, — ответил он. — Она заключается только в мужественном приятии всего того, что происходит — приносит ли это радость или страдание, — с верой, что все это ради высшего блага.

Они уже были совсем рядом со скитом.

Годы оказались беспощадными к Дмитрию Закольеву. Когда-то высокий и жилистый, а теперь сторбленный и высохший, с годами он превратился в бледное подобие себя прежнего. Глядя на его впалые щеки, каждый в лагере уже понимал, что их неукротимый прежде атаман стоит одной ногой в могиле. И лишь глаза безумным блеском горели на этом лице решимостью, превратившейся в одержимость. Словно бы весь его мир сузился до одной точки, и этой точкой была Павлина и ее тренировки.

Павлина к лету 1906 года была все такой же худощавой и подвижной, быстро прибавляя в ловкости, выносливости, да и взрослела она не по дням, а по часам. Ее бойцовское мастерство тоже стремительно росло — к изумлению всех, кто наблюдал за ее тренировками.

Егорыч оказался хорошим наставником. Но Закольев больше не доверял старику. Он уже не доверял никому, кроме своей дочери. Даже Королёв был у него на подозрении. От его глаз не укрылось, как насмешливо ухмыляется или отворачивается гигант при появлении атамана. И не только Королёв. Остальные все тоже, слышалось атаману, шепчутся за его спиной.

Его дочь — в ней была теперь вся его надежда. Ей будет по силам вернуть и его власть, и прежние почести, и уважение. Она подарит ему покой. Не было такого дня, чтобы он не наблюдал за ее тренировкой. Но даже тогда он уже не был хозяином своего ума. Невольно его взгляд обращался внутрь: и тогда белый свет мерк перед его глазами, распадаясь на отдельные фрагменты и образы: слова, стоны, крики и кровь.

Вздрагнув, он пробуждался, вспоминая, кто он и где находится, — усталый до мозга костей, не в силах оградиться от кошмара, что преследовал его теперь и при свете дня. *Зверюга* полосует тело его матери на кровавые обрывки плоти. И с ее криком сливались крики евреев, что не прекращались ни на минуту.

Павлина. Девочка станет женщиной, женщина — бойцом. Павлина — его нож, его меч, его спасение. Она убьет *зверюгу*, и его предсмертный крик станет последним, чтобы потом пришла тишина.

Следующие несколько дней Сергей провел в созерцательном уединении. Ему было о чем поразмыслить. Они с Серафимом уже немало троп исходили по острову — порой в полном молчании, порой беседуя. Но ни о чем, связанном с боевыми искусствами и поединками, они больше не говорили.

Сергея волновали теперь куда более глубокие вопросы. И ответов на них теперь следовало ждать не от Серафима, а от самого себя. Следует ли ему так неотступно придерживаться своей клятвы? И сама его решимость — происходит ли она от постоянства или от жесткости? И что ему все-таки выбрать — войну или мир? Возможно, и в самом деле его ждет какое-то более высокое призвание? И наконец все вопросы слились в один: принесет ли отдохновение Аниной душе, если он убьет этих людей — или сам погибнет, пытаясь убить их?

Сергей уже не был ни в чем уверен теперь и просто-таки истязал себя за отсутствие прежней решимости. Может, Закольева и в самом деле был прав, когда назвал его слабаком и трусом? И если Сергей не выступит против своего врага, что за смысл был тогда во всех этих тренировках, на которые ушли долгие годы? Сергей сам себе напоминал заряженное ружье, которое вот-вот должно выстрелить — или взорваться.

И все же ведь и ружье можно разрядить, и уже обнаженный меч вернуть обратно в ножны. Вот что сказал бы на это Серафим.

Ему припомнилась одна история — одна из тех, что рассказывал Серафим пару месяцев назад, очевидно предвидя этот самый момент. Говорилось в ней об одном горячем и высокомерном молодом самурае, у которого так было заведено для своих крестьян: за малейшую провинность голову с плеч долой. У самураев, которые были сами себе закон, подобное поведение принималось как само собой разумеющееся.

Но в один из дней, смывая кровь со своего меча после очередной расправы, молодой самурай вдруг забеспокоился. А вдруг его поступок не понравится богам и в наказание они отправят его в обитель ада? Желая побольше разузнать

о духовных сферах, он решил посетить скромное жилище дзэнского мастера по имени Кандзаки.

С подобающим случаем почтением самурай отстегнул свою острую, как бритва, катану, положил ее подле себя. Отвесил почтительный поклон и сказал: «Прошу вас, поведайте мне о Небесах и аде!»

Мастер Кандзаки взглянул на молодого самурая и улыбнулся. Неожиданно его улыбка перешла в хриплый смех. Он показал пальцем на молодого воина, словно тот сказал нечто забавное. Все еще трясаясь от смеха, мастер хлопнул в ладоши и произнес: «Тупица! И ты еще хочешь, чтобы я, известный мудрец, тратил на тебя свое время? Куда тебе понять такие вещи, недоносок!»

Самурай тут же вспыхнул — еще бы, кого другого он бы вмиг зарубил и за малую долю подобного оскорбления. Ему стоило огромных усилий сдержаться и не схватиться за меч, хотя у него все кипело внутри. Но, оказывается, мастер Кандзаки еще не все сказал. «Да и что удивляться, что ты получился такой болван — ведь ты сын болвана, и все в твоём роду как один...»

Кровь застлала глаза молодому самураю. Он выхватил меч из ножен и, подскочив, как ужаленный, замахнулся, чтобы снести голову мастеру.

В тот же миг мастер Кандзаки направил на него указательный палец и ледяным тоном произнес: «Вот так открываются врата ада».

Воин застыл. Словно молния вспыхнула у него в мозгу. Он осознал, какова природа ада — ее не нужно было искать где-то *вне*. В эту самую минуту он сам был обитателем ада. Молодой самурай опустился на колени, положил меч рядом с собой и отвесил мастеру смиренный поклон: «Мастер, не знаю, как вас благодарить за тот необходимый урок, что вы мне только что преподали. Благодарю вас! Благодарю вас!»

Мастер дзэн улыбнулся в ответ, еще раз ткнул в него пальцем и сказал: «А вот так открываются врата рая».

«Может быть, тот самурай — это я и есть», — подумал Сергей, окапывая деревья в скитском саду.

На следующий день во время прогулки Сергей рассказал Серафиму историю своей жизни, от самых ранних дней, которые еще задержались в его памяти, до

того времени, когда он прибыл на Валаам. Когда с рассказом было покончено, Серафим сказал:

— Твоя история, Сократес, только начинается. Ты запомни вот что: твое прошлое не определяет твое будущее — но ты, тем не менее, тащишь его за собой, как мешок с камнями.

— Ты хочешь сказать, что мне следует забыть о своем прошлом?

— Воспоминания — словно выцветшая картина. Некоторыми мы дорожим. Другие причиняют нам боль. Нет причины выбрасывать их все. Отложи в укромное место только те, что ты хотел бы сохранить, чтобы время от времени доставать их и любоваться. Прошлому не должно вторгаться в настоящее. Меня меньше волнует то, где ты был, чем то, куда тебе еще предстоит пойти.

— А куда меня зовет дорога? — спросил Сергей. — Может быть, тебе и это открыто?

Серафим только пристально посмотрел на него.

— Да, кое-что я действительно вижу... — наконец произнес он. — Но давай поговорим об этом в другой раз как-нибудь. Позволь мне еще раз напомнить тебе — нет такого места, которое можно было бы назвать «там». Куда бы ты ни шел, ты всегда будешь «здесь». Здесь — это все, что у тебя есть.

— Но даже здесь прошлое все равно остается частью меня.

— Это не более чем картины, о которых я тебе говорил, — повторил монах. — Пришло время тебе примириться с прошлым — так же, как и принять настоящее. Все, что было, — прошло. Все это лишь совершенная часть того, из чего складывается твоя жизнь...

— Совершенная? — слова старого монаха неожиданно разозлили Сергея. — Это ты про смерть моей жены и сына?

Серафим жестом остановил его.

— Возьми себя в руки. Ты понимаешь мои слова иначе, чем они были сказаны на другом уровне понимания. А я имею в виду высший смысл — все это было неизбежно, иначе мы бы с тобой не встретились. Это Творец зовет тебя вперед, к тому, что еще только ждет тебя в будущем.

— Как тебе может быть известно такое?

— Известно? — поднял брови Серафим. — Да мне не известно даже, встанет ли солнце завтра, проснусь ли я поутру. Мне не известно, дарует ли мне Господь мой следующий вздох. Поэтому я предпочитаю жить верой, а не знанием — и принимать все, что выпадает на мою долю, ожидаемое или нет, горькое или сладкое — все как одно, как дар Божий.

— И это тоже слова, Серафим. Что я, по-твоему, должен делать с ними?

— Ничего не делай. Оставь слова позади, когда пойдешь к месту внутри тебя, которое уже знает, что...

— Знает что именно?

— Что с каждым новым днем начинается новая жизнь. Что в каждый миг ты рождаешься заново. Это одно значение благодати, Сократес. Иногда все, что в твоих силах, — оставаться в осознании этого момента и делать лучшее, на что ты способен.

— Если послушать тебя, жизнь такая простая штука.

— Простая — да, но я не сказал, что легкая. И я могу тебе обещать — однажды наступит день, когда ты постигнешь ее во всей полноте и она будет такой ясной и простой, что тебе только и останется что рассмеяться от удовольствия. В моих силах пока что лишь заронить зерно. Все остальное — в руках Божьих.

Сергей задумался над смыслом Серафимовых слов, чувствуя, что они проникают в самую глубину его сознания. Но неожиданно у него появился еще один вопрос:

— Серафим... Тогда... Еще тогда, когда мы впервые встретились, — как ты мог так много знать обо мне?

Старый монах ответил не сразу. Наконец он нарушил молчание:

— Много лет назад, Сократес, еще до того, как я стал монахом, я был солдатом. Я сражался в самых ужасных боях и видел такое кровопролитие, какое и помыслить человеку не в силах. А потом... потом пришла другая скорбь...

И тогда я отправился на Восток в поисках смысла, и мира тоже. У меня почти не было надежды отыскать хоть что-то из этого. Я побывал во многих землях, узнал много путей, ведущих к Богу. Я узнал, что всякий путь хорош,

если он ведет к возвышенной жизни. Я выбрал христианскую веру, но это не значит, что я отверг все те дары, что были получены мной, когда я знакомился с другими путями, различными тропами, что ведут к вершине одной горы...

Я обнаружил, что некоторые из этих даров всегда были со мной, но практика помогла мне открыть и взрастить их в себе. Один из таких даров — целительство. Даже мальчишкой я ощущал в себе энергию, пульсировавшую в моих ладонях. Я верю, что энергия исходит из духовного источника. Другой мой дар — видение... и *предвидение*. Оно похоже на цветок, что раскрывает лепестки, когда на него падает луч света. И еще мне временами открывается, во снах или видениях, нечто о некоторых вещах, но никогда — всё обо всём.

— Знаешь, меня так часто поражала эта твоя способность...

— Чтобы понять ее, ты должен сам пережить нечто подобное. Когда ты открываешься для Бога, ты можешь знать всё, потому что ты и есть всё. Ты открываешь, что прошлое, настоящее и будущее — всё случается ни в какое иное время, как только сейчас. Вот так мне и удается временами видеть и знать.

— И ты видел то, что уготовано мне в моем будущем?

— Я вижу то, что *может* быть, а не то, что *должно* быть. Поступки, что ты совершаешь сейчас, облекут в форму твое будущее. А быть ли ему хуже или лучше — это уже дело твоего *выбора*.

— Но можешь ли ты мне хоть что-нибудь открыть из того, что ждет меня впереди?

Серафим умолк, задумавшись над Сергеевыми словами.

— От каждого духовного дара неотделима и ответственность за него. Мои видения даны мне для того, чтобы я помогал советом, а не предсказанием. Если я расскажу тебе о том, что видел, это может укрепить тебя или же ослабить — а я не настолько мудр, чтобы знать это в точности.

В любом случае, я не хочу идти наперекор твоей свободной воле. Ты пришел на эту землю не для того, чтобы всецело полагаться на меня. Полагайся на себя, верь в себя, иди своим путем. Что, если бы я увидел, как ты расправ-

ляешься со своими врагами, в тот самый день, когда ты только ступил на этот остров? Захотел бы ты посвятить все эти годы тренировкам? И если да — то благодаря моему видению или вопреки ему? А что, если бы я увидел тебя поверженным? Это заставило бы тебя отказаться от своего намерения?

Взгляд Серафима, как показалось Сергею, вдруг стал печальным:

— Да и не всегда я понимаю то, что вижу, Сократес. Не могу тебе с полной уверенностью сказать, убьешь ли ты этих людей... а то, может, простишь их...

— Простить? Да я сперва отправлю их в ад!

— Они и так в аду.

— Это не оправдание!

— Нет, конечно же нет... — ответил старец. — Такому и не может быть оправдания. Порой даже объяснить такое непросто. Но однажды может случиться так, что ты увидишь этих людей как часть некоего своего большего «я». Тогда, в это самое мгновение, все встанет на свое место. Даже если тебя призовут на бой, ты будешь знать, что ты всего лишь бьешься с самим собой.

Серафим неторопливо зашагал, очевидно, подбирая слова:

— То, что я собираюсь рассказать тебе, я никогда не открывал никому — но тебе, возможно, это поможет кое-что понять в самом себе...

Когда-то и я был женат. Я был молод, влюблен, у нас было трое детей. Затем я ушел на войну, а их убили разбойники.

Он замолчал, затем, все так же неторопливо, продолжил:

— Как и ты, Сократес, я поклялся найти тех, кто... И готовился к этому, совсем как ты.

— И ты нашел их? — Сергей напрягся, словно в ожидании некоего знака.

— Да, и убил — всех до одного.

Сергей невольно вздохнул. Он не ожидал, что у него с его наставником может оказаться и такая трагическая связь.

— Серафим... когда ты узнал, что сделали с твоей семьей... скажи — разве это был не самый черный день в твоей жизни?

Но Серафим только покачал головой.

— Поначалу — да, но самый черный день пришел вместе с моей так называемой «победой» — когда мои руки оказались обгажены кровью тех людей... Понимаешь теперь? С руками в крови я стал одним из них...

— При чем здесь они? Ведь ты же...

— Убив дракона, сам становишься драконом, — повторил Серафим. — До сих пор тот день тяжелым грузом лежит на моей совести. Однажды сделав что-то, мы уже не в силах это изменить. Понимаешь? Вот так-то... Это была одна из причин, почему я взялся учить тебя — в надежде, что ты не повторишь моей ошибки.

В действительности и сам Сергей уже готов был сойти со своей прежней стези. Но его клятва, такая глубокая, которой он посвятил почти треть своей жизни, чтобы выполнить ее, оставила следы в его жизни, за которые он до сих пор продолжал цепляться.

— Но даже если я решу больше не мстить, — сказал он, — все равно кто-то должен остановить их, Серафим. Так почему не я?

Серафим еще раз пристально взглянул на него, *словно* стараясь проникнуть в самую глубину его души:

— Может, ты и прав. Может, ты и в самом деле должен выследить и остановить их. Убить их. Заставить их страдать так, как страдал ты. И тогда — что тогда? Потвоему, на этом все и закончится? Тогда тебе не помешает убить и их детей, потому что они в свою очередь пойдут по твоему следу. Так что и их тоже убей, чтобы испытать ад, глубже которого ты никогда не видел. А может, ты ничего не почувствуешь. Возможно, их страдания даже принесут тебе удовлетворение. Но знай, что в тот день дьявол будет радоваться, потому что ты сам станешь тем злом, которое стремился уничтожить.

Серафим умолк, потом взмолился:

— Те, кого ты любишь, Сократес, обретут мир, когда этот мир воцарится в твоей душе. Так что спроси у себя сам — каков путь к духовному миру? Нужно ли начинать войну, чтобы обрести его? Или ты можешь создать его здесь и сейчас? Те, кто враждуют сами собой, терпят поражение на каждом шагу. Так что примиришься с собой...

Помолчав, он добавил:

— Я понимаю, насколько болезненны твои воспоминания и как велика твоя решимость. Но не всякому чувству следует выливаться в действие. Независимо от того, какой путь ты выберешь — захочешь остаться здесь или продолжишь свой путь, я умоляю тебя посвятить свою жизнь высшей цели. Выдержи натиск своих эмоций так, как ты выдерживаешь натиск бури, — построй для себя укрытие веры и терпения, которое поможет тебе переждать непогоду. Освободи свою жизнь от тирании желаний, необдуманных поступков и импульсивных решений. Стань Божьим воином, Божьим слугой.

— Но... Как я могу узнать Божью волю? — спросил Сергей.

Серафим улыбнулся.

— Много мужчин и женщин куда мудрее, чем я, задавали это вопрос, Сократес. Мне ведомо лишь только то, что Бог говорит через твое сердце и что твое сердце укажет тебе путь... Как стать настоящим человеком. И *мирным воином*.

Слова Серафима, словно стрелы, вонзались в его сердце. И все же оставался один вопрос, который все не давал Сергею покоя:

— Но как же быть с теми людьми?

— Довольно о них! — воскликнул Серафим, — Похоже, это они тебя преследуют, а не ты их! Может, хватит позволять им направлять свою жизнь? И, набравшись смелости, показать им пример милосердия и сострадания, в котором они отказали тебе и твоей семье? Вот эти вопросы, если хочешь знать, исходят из самого сердца учения Христа. Мало кто к ним прислушивается. Но ты — ты хочешь их услышать?

Серафим снова зашагал, словно у него легче получалось говорить во время ходьбы:

— Мы оба с тобой знаем, что ты могучий воин. Но можешь ли ты быть воином мира? Ты знаешь, как умирать, но научился ли ты тому, как жить? Будешь ли ты разрушителем или созидателем? Твои поступки — будут ли они пропитаны ненавистью — или любовью? Вот тот выбор, который тебе следует сделать.

— А моя тренировка — что же, она пропала зря?

— Ничто не пропадает зря, — возразил Серафим. — Ты обучился пути воина — так бейся, как воин! Объяви

войну ненависти, восстань против невежества, борись за справедливость! Но вот что хочу тебе сказать: нельзя победить тьму еще большей тьмой. Только свет обладает силой изгнать тьму из этого мира.

Сергей услышал, как глубоко дышит старый монах, — он понял, что в этот миг его взгляд обращен внутрь. Затем Серафим сказал:

— К тому же... Эти люди умрут и без твоей помощи.

— Ты увидел это... в своем видении? — спросил взволнованно Сергей.

— При чем тут видение? Для этого достаточно понимать, что в конечном счете пожнет человек от разрушения, что он же и посеял. Они все умрут, как суждено умереть каждому человеку. Это нисколько не уменьшает важности вопроса, который по-прежнему стоит перед тобой: какую дорогу выбрать? Подумай над этим хорошенько. Твоя Аня — какой бы она хотела видеть твою жизнь?

На этом они расстались, и дальше Сергей зашагал один по узкой тропке, в молчании обдумывая все только что услышанное от Серафима и примеряя его слова к своим собственным рассуждениям и выводам. Все эти годы он жаждал пролить кровь злодеев, но в итоге увидел темноту, что притаилась внутри него самого. Сергею наконец стало понятно, что заставляет и людей, и целые народы восставать друг на друга. Как каждый акт возмездия, отчаяния и невежества только подливает масла в огонь, питая все то, что неизбежно следует за каждым насилием.

Он тихо шел по лесу в глубоком раздумье. И его ненависть, как и всякий пожар, загасила сама себя. И когда он с трудом, скрепя сердце, сказал себе, что отпускает этих людей с миром, такой же мир, пусть едва различимый, открылся и для него.

Но, освободившись от своего прошлого, Сергей в то же время утратил и часть своего будущего. Прежде он знал, куда лежит его путь и зачем. Теперь его миссия — поквитаться с врагами, убить их — она была закончена. Никаких других целей или задач в жизни у него просто не казалось.

Сергей плыл между адом и раем, не зная, к какому берегу пристать.

Свои вечерние часы все эти годы он привычно проводил в тренировках. Теперь же Сергей обнаружил что открылась зияющая пустота и в его времени, и в его сознании, и в жизни тоже. Огромное количество высвободившейся энергии пульсировало в нем, требуя выхода. Он буквально кожей чувствовал, как ускоряется его мышление, интуиция и восприятие. Теперь, когда его внимание освободилось от всего, что довлело так долго над его совестью, и эта глава в его жизни теперь была закрыта, перед ним открылись совершенно новые, неведомые прежде возможности.

В этот переломный момент Сергей снова оказался на распутье. Отказавшись от мести, он смог и себя простить тоже. Тогда, на луку, он сделал все в пределах возможного, на что тогда был способен. Да, он не смог спасти свою семью — но его поражение по-человечески вполне объяснимо. Эта мысль помогла ему примириться с тенями своего прошлого. Впервые с того самого дня, как он потерял семью, Сергей почувствовал, что эта жизнь еще кое-что приберегла для него.

Было самое время написать письмо Валерии. Он тут же принялся за дело — в той же самой трапезной, где прежде проводил бесчисленные часы в тренировках, и написал слова, которые шли из самого сердца:

Дорогая Валерия,

я знаю, что у меня больше нет права звать вас матерью. И все же для меня вы по-прежнему остаетесь матерью, - так же как Аня всегда будет моей любимой женой. Надеюсь, что за это время раны вашего сердца успели достаточно затянуться и это письмо не заставит их снова кровоточить, но, наоборот, сможет пробудить более светлые воспоминания о той семье, что однажды у нас была. В вашем доме я нашел свою настоящую семью. Потеряв Аню, ослепленный своим горем, не сразу я понял, что без вас с Андреем эта утрата оказалась тяжелой вдвойне.

Я пишу это письмо не для того, чтобы просить вашего прощения. Хочу лишь, чтобы вы знали: я по-прежнему благодарен вам за ту любовь и доброту, которую я получил от вас в наши счастливые годы.

Продолжаю любить вас и молиться за ваше здоровье.

Сергей

Это было слишком запоздалое письмо, да Сергей и не ждал на него ответа. Довольно было и того, что он смог его написать. Ему хотелось лишь надеяться, что настанет день, когда Валерия простит его настолько, чтобы взять это письмо в руки и прочитать его.

В следующий раз, когда Сергей увидел Серафима, тот снова застал его врасплох. Но теперь это был не пинок и не затрещина, как вполне могло случиться в прошлые дни или годы. Первое, что сказал Серафим ему, было:

— Тебе следует покинуть остров, Сергей, и как можно скорее.

Сергей застыл как громом пораженный, не зная, что и думать.

— Покинуть? — переспросил он, думая, что ослышался. — И куда потом?

— Идем, по дороге объясню. Времени мало, так что, не откладывая, начинай собираться в дорогу.

Словно замороженный, Сергей решил больше ни о чем не спрашивать и только слушать.

— Помнишь, пару дней назад ты спрашивал моего мнения, когда тебе можно будет покинуть остров? Я еще сказал тогда, что дам ответ позже.

— Помню, да.

— Что ж, теперь я могу тебе ответить. Время пришло. Я только что получил письмо. Они собираются на крыше мира.

Много времени на сборы не понадобилось. Прощание с монахами тоже было коротким — пара добрых слов, теплые улыбки. Братья тоже не стали задерживаться и разошлись по своим делам.

Прежде чем встретиться с Серафимом в условленном месте, на ферме, Сергей несколько минут просидел в полной тишине, которую короткое прощание сделало еще более осмысленной. В этой тишине Сергей еще раз задумался обо всем том, чем Серафим поделился с ним...

— Все, что мы должны были сделать вместе с тобой, — сделано, — сказал старый монах. — Но есть и другие, которые тоже могут быть полезны... Это собрание мастеров, все они — мои надежные и доверенные друзья. Представители самых

разных религиозных традиций... они не менее привержены своему пути, чем я — своему. Но им удалось стать выше рамок только своего учения и обратиться к эзотерической, скрытой истине и внутренним практикам. Они исследуют переплетенные между собой корни разных религий, тот единый поток, что питает много источников.

Я не знаю точно, кто из них будет присутствовать. Но ты вполне можешь встретиться с мастером суфийской традиции... дзэн-буддистским *роши*... йогом из Индии... раввином еврейской веры... женщиной-кахуной из Гавайев, монахиней и христианским мистиком из Италии, мастером-сикхом... — тут Серафим улыбнулся, прибавив: — и, скорее всего, с ними еще будет один человек по имени Джордж, который принадлежит не к какой-то одной, но ко все этим традициям. Он-то и собрал всех этих людей вместе.

У членов этого союза в ходу поговорка: «Один Свет — много светильников, одно Путешествие — много путей». Каждого из этих мастеров можно сравнить с подобным светильником. Каждый привнес в этот союз свой принцип, свое видение и практики, чтобы открыть дверь в мир духа — внутренний путь к пробуждению.

— Пробуждению — к чему?

— К Единому, — ответил Серафим. — И для того, чтобы служить этой великой цели, они собираются для дружеского диспута, чтобы сравнивать и противопоставлять, испытывать и еще — делиться друг с другом тем, что каждый постиг в свободном и открытом исследовании. Их цель, по моему убеждению, — открыть самые сердцевинные, стержневые практики для тела, ума и духа — стать зачинателями нового универсального пути, свободного от догм и культурных ловушек.

Не буду перегружать твою память их именами — ты и сам их узнаешь в свое время. Главное, что все они соберутся вскоре — в следующее три месяца, так что медлить тебе нельзя.

— Путешествие твое будет не из легких, — добавил он. — Но тебе ведь не привыкать к нелегким путешествиям.

— Ты не сказал мне, куда будет лежать мой путь, — ответил Сергей.

— Конечно... само собой. Вот, смотри сюда, — Серафим вытащил из кармана рясы сложенную карту. — Я

отметил твой путь. Тебе предстоит добраться до места, к северу от Гиндукуша — к Памиру, который еще принято называть «Крышей мира». Это высокогорье можно считать перекрестком дорог из Индии и Тибета, Китая и Персии. И туда-то я и направляю тебя — от своего имени. Это Ферганская долина, и город, который называется Маргилан.

Серафим подал ему письмо.

— Это краткая рекомендация. Отправляйся, чтобы служить им... и еще слушать и учиться. Считай, что это мой тебе прощальный подарок.

— То, что окончание твоей подготовки столь удивительным образом совпало со временем их встречи, кажется мне чем-то большим, чем просто случайность, — продолжал старец. — Но времени на дорогу так мало, что воплотиться эта возможность сможет лишь в том случае, если ты примешь решение свободно, а не под понуждением отказаться от своих планов возмездия.

Твое решение следовать более высоким путем станет и оправданием того, чему я учил тебя все эти годы. Сделав такой выбор, Сократес, — и не повторив моей печальной истории, — ты сделаешь мне подарок, ценность которого я просто не смогу переоценить.

Но Сергей получил и еще один подарок в придачу — выносливую кобылу из тех, что обитали в стойлах Валааме. С одобрения монастырского начальства Серафим также обеспечил его на дорогу припасами и сотней рублей — на всякий случай.

— Вот твоя лошадь, — сказал он, — по крайней мере, она повезет тебя, куда тебе будет нужно.

Сергей дал ей имя Тайна, в честь предстоящего путешествия.

Серафим, не сводя глаз, наблюдал за тем, как Сергей положил на нее седло, которое принес один из братьев. Глаза старого монаха сияли, и все его лицо светилось, словно он состоял не из плоти и крови, а из света.

Сергей уже готов был сесть в седло и повернулся, чтобы проститься, но отец Серафим жестом остановил его:

— Для нас с тобой, Сократес, уже больше не будет никаких прощаний.

Обменявшись напоследок молчаливым взглядом с наставником, Сергей Иванов съехал к пристани, затем взошел на корабль и исчез из мира людей.